

1. ВСЕМУ НАЧАЛО

Первые прелести

П

очему детские годы кажутся лучшими в жизни?

Мне отвечают: дескать, каждый человек видит их в розовом свете. С этим можно согласиться, но лишь отчасти. Много наслышан от родственников, как они детьми бедствовали во времена войн или послевоенной разрухи, в революцию или до революции. Уверен, что сам я родился в начале счастливого и спокойного для всех россиян периода. Таким временем были годы с начала 1960-х и примерно до середины 1970-х...

Моя мама впервые вынула меня из детской коляски и поставила на землю в саду клуба имени Карла Маркса. В просторечии все звали этот клуб «Карлушей». Сад рос и продолжает расти в центре Воронежа на углу улиц Никитинской и Комиссаржевской. Мама понудила меня делать первые шаги именно здесь, держа за обе ручки. Бережно и крепко. Она и раньше часто вывозила меня сюда же. Ставила коляску в уютном уголке в середине сада — под единственную лиственницу. Стройное дерево росло одно среди привычных кленов, тополей и лип. Так я часами дышал воздухом, настоящим не только на кленовой листве, но и на хвое.

Много лет я думал, что лиственница осталась лишь в далеком детском прошлом. Идешь мимо сада и видишь только престарелые липы да клены. Но года три назад стали прорезивать сад, и я заглянул в него из любопытства. Вдруг хотя бы пенек от лиственницы найду? И гляжу: она цела, она жива! Прямой ствол стоит как ни в чем не бывало и даже не кажется слишком старым. А ведь ему много-много лет. Дерево всю жизнь маялось в тесноте, в окружении других высоких стволов. Поэтому не выдалось толщиной.

Помню залитую солнцем центральную аллею сада. Мама ведет меня к фонтану мимо благоухающих клумб. Фонтан окружен горячим асфальтовым кольцом. Асфальт настолько раскален, что даже мои маленькие сандалии оставляют на нем слабые вмятины. А струя фонтана почему-то все время брызгает мимо чаши и падает на меня...

Потом не раз гулял здесь с родителями. Кажется, до сих пор вдыхаю умопомрачительно сладкий, дурманящий запах мелких белых цветов. Их сажали именно из-за запаха.

Днем тихий сад «Карлуши» идеально подходил для наших спокойных прогулок. В те времена сад был больше. Он выходил и на третью улицу, на Фридриха Энгельса. Не случайно там между домами стояла ограда тех же благородных форм, что и на Никитинской: массивные круглые столбы и между ними — литые чугунные решетки с узорами. На той стороне росло мало деревьев, и на пустом месте устроили огромную детскую площадку: песочницы, лесенки, качели и прочую радость. И даже что-то наподобие маленького кинотеатра, с рядами скамеечек. Поперечно улице, по границе с двором областного военкомата, тянулась глухая кирпичная ограда. Ее прямо по штукатурке разрисовали цветными картинками из сказок. В песочницах вблизи сказочной ограды я «пек» традиционные песочные пироги и городил причудливые горочки, черпая песок своим желтым ведерком.

Папа любил фотографировать меня с самого грудного возраста. Множество снимков делал и дома, и на улице, и в садах-парках. Есть фото в песочнице. А вот мама, прогуливающая с коляской... Так что, глядя на фотокарточки, я могу судить и о том, чего не помню. Коляска не только стоит в саду «Карлуши» под лиственницей, но и катится по аллеям более обширного Детского парка — еще одно любимое мамино, а значит, и мое место.

Вот мама изящно вышагивает с коляской по привычному маршруту: вход в парк со стороны улицы Чайковского — круг возле приметного фонтана со львами — потом радиальные аллеи... Многие дорожки устланы не асфальтом, а избитым в крошку красным кирпичом. В послевоенном Воронеже такое покрытие делали и на тротуарах. Конечно, сначала не хватало асфальта. Но в садах и парках дорожки долго оставались краснокирпичными. И красиво, и ступать комфортно. И падать не слишком больно.

Когда я чуть подрос, наши прогулки переместились в Детский парк. Располагался он немного дальше от дома, чем сад «Карлуши». Зато раздолье какое! И карусели с комнатой смеха, и большая открытая площадка со сценой и скамейками. В выходные дни на сцене всегда кто-то поет или танцует. А я всегда рвусь к педальным машинкам! Только в них ребенок по-настоящему чувствует себя шoferом. Руль вращается не понарошку, поворачивает передние колеса, а задние бросают брызги из луж, как всамделишнее легковое авто! Машинки выдавали напрокат в центре парка, около фонтана. Не помню, сколько копеек стоил один час езды. Но за час я успевал вдоволь накататься вокруг фонтана и по главным аллеям — везде, где лежал асфальт или кирпич.

Еще были в моде педальные лошадки. На них часто ездили девочки, да и маленьких мальчиков, наверно, сажали. Но мне сочетание фигуры живого существа и педалей всегда казалось неестественным и потому совершенно неинтересным.

С мамой на прогулке

Каждую осень я отправлялся с мамой в Детский парк, чтобы собирать желтые, оранжевые и красные кленовые листья. Тогда ведь не считали мусором листья между аллеями, не сжигали их. Так полезно для деревьев. Листва лежала, как в лесу, толстым слоем, удобряла почву. С нее вовремя убирали окурки и бумажки. И повсюду расставляли красивые массивные урны.

Если у мамы было маловато времени после работы, мы шли за листиками в «Карлушу». А там падает и другое богатство — желуди с дубов, ягоды с рябин. Доверху наполняю ими свое желтое ведро.

Во второй половине 1960-х годов уже выходили из моды гипсовые скульптуры юных спортсменов и спортсменок, которые красовались в Детском парке (как и в тысячах парков Советского Союза). Их убирали. Но еще горели по вечерам высокие светильники, выдержанные в классическом стиле, традиционные для воронежских зеленых уголков. Из кирпичных оштукатуренных постаментов торчали высокие железные столбики с завитками. Вверху — круглые шарики-фонарики. Светильники придавали особенный шарм второстепенным радиальным и поперечным дорожкам. Там было очень уютно, даже слишком глухо. Высоко смыкались разросшиеся клены. Вдоль краснокирпичных тропинок росли аккуратные ряды не низкого кустарника. Тихие и таинственные заросли. Вечерами желтый свет фонарей загадочно пробивался сквозь листву и усиливал ее осеннюю желтизну.

То ли дело центральный, всегда светлый и оживленный круг парка с большим фонтаном и лепными масками львов. Высокие струи воды весело сверкали на солнце в сопровождении бесконечного детского гомона и оборачивались брызгами бесконечного детского счастья...

Только лишь о детстве воспоминания? Нет, о шестидесятых. Время нещадно изменило наш город более чем за полувека. Скажите, разве в последние десятилетия были такими же уютными «Карлуша», то есть сквер около Дворца культуры железнодорожников, или Детский парк, что давно зовется парком «Орленок»?

Конечно, теперешняя «Карлуша» — сквер, а не сад. К счастью, совсем недавно его неплохо благоустроили. Но пространство сквера смахивает на два больших

газона, где деревьев «слишком» много. Деревья словно лишние, их еще не полностью вырубали. Плиточная дорожка ведет ко временному летнему кафе. Зачем она такая широкая? Лишь в теплые выходные дни кто-то отдыхает на скамейках. Нет стоящих с колясками под лиственницей или под липами. Нет вечернего наплыва публики к танцплощадке или фонтану, так как давным-давно нет ни танцплощадки, ни фонтана. Правда, хочу сказать искреннее спасибо всем, кто не приказывает разрушить раритетную послевоенную ограду или сломать вазоны, которые стоят под деревьями с незапамятных времен.

«Орленок» в течение последних трех десятилетий постоянно переживал катаклизмы. Все пустело и рушилось, потом временно благоустраивалось, затем вновь и вновь рушилось. Боюсь, что целые поколения детворы не успели испытать здесь чувство детства. И не только детства. Они не вдыхали сладостного запаха опавшей листвы. Их не освежали брызги из фееричных львиных пастей. Ведь с годами фонтан запускали реже и реже.

Сегодня опять говорим спасибо — даже тем, кто сломал подлинный фонтан во время реконструкции парка. Спасибо за то, что вернули нам этот символ парка и детства хотя бы в виде новодельной конструкции. Я уверен, что свои плюсы надо искать в каждом времени. Нам не дано перенестись в другую эпоху, не дано изменить ход истории.

Третий этаж около седьмого неба

Прекрасно помню, как в конце 1965 года родители посадили меня на санки, подтянули на мне кашне, поправили валенки и дали в руки коробку с моими любимыми игрушками. И повезли меня в новую однокомнатную квартиру, в свежий дом, выросший на улице Фридриха Энгельса. Мне было три с половиной года.

«Сейчас ты увидишь свою новую кровать», — заинтриговала меня мама. На днях папа уже привез из магазина «настоящую», хотя и детскую, кроватку — металлическую, с пружинистой сеткой. Моя первая деревянная кровать осталась в маленькой комнатке-каморке в коммунальной квартире бабушки Саши и бабушки Сони (предков по линии мамы).

Веревку тянут по очереди мама и папа. Идем-едем через дворы около «Карлуши». Коробка цепляется за мягкие сугробы мокрого снега. Все самые лучшие машинки и зверюшки поместились в нее.

Специально для молодых читателей придется напомнить, что тогда квартиры «давали», а не продавали. Нынешние дети часто удивляются, как это так могло быть.

Папа работал (и проработал там всю жизнь) на Воронежском заводе радиодеталей (ВЗР). Как только я родился, отцу сразу же выделили (дали бесплатно) однокомнатную квартиру. Она была в новой «хрущевке», однако не в центре города, а в Коминтерновском районе, на проспекте Труда. Близко к заводу. Но далеко от домов обеих моих бабушек — Сони и Дуси. А они меня опекали.

Папа и мама сначала ехали после работы ко мне, в центр, на старую бабушкино-бабушкину квартиру, и только ночью — к себе на проспект Труда. А рано утром им опять на работу. И вышел час.

Каким-то слишком бдительным соседям показалось, что в папиной квартире не живет никто. Впрочем, однажды они, видимо, застали папу и краем глаза заглянули в комнату. И им показалось, что там стоит мебель чешского производства! А это были небольшие шкафчик со столиком, которые папа сделал собственноручно. Из подручного материала. Папа был на все руки мастер. Изготовил не хуже, чем на фабрике в Чехословакии. И вот принесли заявление в партком ВЗР: а не подозрительно ли, что квартира без людей, но с иностранной мебелью?

Потом все посмеялись. Но этот случай, очевидно, подтолкнул родителей: надо им быстрее подыскать другую квартиру. Ближе к бабушкам. И папа обменял проспект Труда на улицу Фридриха Энгельса. Там НИИ связи только что построил для своих сотрудников пятиэтажный дом № 24. По удивительному стечению обстоятельств, он вырос рядом с «Карлушей» — по соседству с теми песочницами, где меня раньше выгуливали.

Начались самые лучшие годы моей жизни. Да и жизни родителей — тоже. Те годы, которые врезались в память уже во всех деталях.

Третий этаж — очень удобно! Подниматься невысоко. Даже бабушке Дусе: ведь у нее появлялась одышка как раз на третьем этаже. Хорошая, однако, дистанция от дворовой пыли и от шума-гама. Гам — комфортный, приятный приглушенный фон всей жизни.

Как-то с третьего этажа упал вниз наш черный кот Кузя. Он прыгнул из кухонной форточки на кастрюлю, которую мама выставила на подоконник на холод. Свалился вместе с кастрюлей. Кота быстро нашли живого-здорового (а кастрюлю уже подобрали для своих игр ребятишки).

Единственная комната, обращенная к солнцу и в большой зеленый двор, до сих пор снится мне как земной рай. Окна в хрущевских домах — широкие, не узкие, как в сталинских. И, конечно, не убийственно крошечные, какие часто делали в позапрошлом веке. Свет роскошно летит во все помещения. В комнате — трехчастные рамы. Две из них открываются. За ними на подоконнике — обязательный длинный бетонный ящичек под цветы. В нашей квартире он сделан словно специально для меня. Ведь я лет с восьми — девяти так увлекался ботаникой! Не выходя из комнаты, растил на открытом воздухе самые эффектные цветы. Наверно, любовь к ним мне привили еще во младенчестве в «Карлуше» или Детском парке. Они у меня цвели все лето: изящные настурции, высокие космеи, яркие бегонии и бархотки. Очень нравилась космея: словно привычную ромашку нереально увеличили в размерах и раскрасили и белым, и розовым, и малиновым, и бордовым. А в сентябре раскрывались пушистые, махровые астры...

Подойдешь, бывало, в квартире детства к окну и радуешься всему. Третьему этажу, солнцу, цветам. И обязательно — двору, который прекрасно виден свысока сквозь цветы. И раму тебе не надо открывать, чтобы захотелось туда: во двор, во двор...

2. ДВОРОВЫЕ РАДОСТИ

О взрослой и детской общности

Можно бесконечно рассказывать про весь наш двор на Фридриха Энгельса. Какой был дух коллективизма в 1960-е годы! С каким энтузиазмом принимали обустривать двор жильцы, воодушевленные переездом в новые квартиры! Сообща и на общие деньги покупали в питомнике и сажали деревья и кусты. Выбিরали не только «обычные» липы и тополя, но и плакучие ивы, и экзотическую катальпу с огромными листьями и длинными стручками, и гибрид, как я считал, боярышника с рябиной (тогда мудреные названия растений почти никто не знал).

Вдоль дома устроили палисадники с деревянными штакетниками. Там постоянно взращивали цветы. Возле дверей подъездов лелеяли кусты сирени. В жару поливали зелень из шлангов, надев их на краны в кухнях первого этажа.

Напротив дома среди деревьев соорудили столики со скамейками для отдыха, турники, теннисный стол, беседку, детские песочницы. Разумеется, взрослые рев-

ниво следили, чтобы кто-нибудь не повредил всю эту красоту. А дети сами не могли посягнуть на порчу двора, созданного на их глазах и их же родителями. Например, мы знали: теннисный стол устроил отец Андрея Бородина из 27-й квартиры, плачущую иву выращивает папа малыша Миши Румянцева из 22-й, а палисадники поливает родитель Гены (фамилию не вспомню) из 42-й. Генкин отец, коротко подстриженный ежиком, вечерами высовывался из окна, держа в руке шланг, и долго занимался поливом цветников не только своего, но и соседних подъездов.

Конечно, случалось, что дети кое-что портили во время игр. И взрослые спрашивали с виновников строго.

Ощущение уюта усиливала замкнутость двора. Параллельно нашему новому дому, поставленному по красной линии улицы, в глубине квартала тянулся старый двухэтажный дом № 26. Он состоял из двух частей. Слева выступал флигель, выстоявший с царских времен: кирпичный низ, деревянный второй этаж. Простой верх, обшитый досками, лишенный какой-либо старорусской резьбы, веял настоящей древностью и не вязался с нашей новой жизнью. Правее желтел белой штукатуркой довоенный длинный двухэтажный кирпичный корпус. Его украшал только серебристый тополь перед фасадом — самое толстое и высокое дерево во дворе. В новом доме было множество детей. Они жили в каждой второй квартире! И в старом доме обитали мои ровесники. Так что вечером весь двор превращался в большую и шумную игровую площадку. Принято было общение родителей с детьми прямо из квартир, из окон. Если требовалась помощь, дети орала со двора: «Папа, мама!..»

Когда темно, мамы и папы высовывались из окон и громко зывали:

— И-игорь! Да-а-мой!

— Та-а-ня! Да-а-мой!

— Ну мам, я еще десять минут поиграю!

— Не-ет! Сейча-а-с же! Ужинать пора!.. Ты поняла или нет?

Нередко слышался плач детей, не хотевших уходить. Его заглушали недовольные, вплоть до угроз наказания, увещевания из окон.

Поздно вечером двор с неохотой утихал. Однако в светлое время мамы-папы и бабушки-дедушки, наоборот, выпроваживали детей гулять, если те засиживались дома. Часто и долго быть на воздухе — обязательно! Об этом без конца напоминали врачи и в кабинетах поликлиники, и по радио, и по телевизору. Ведь в те годы дети часто болели воспалением легких (как сейчас везде говорят — пневмонией). Воспалением как жутчайшим осложнением постоянно пугали даже всех, кто банально простудился и страдал от небольшой температуры с насморком. И были два главных средства: лекарства и свежий воздух как профилактика.

Я все детство болел частыми и разными простудами (слава богу, вирусы еще не считали по номерам.) Сказались последствия моей ангины в старой дедушкиной квартире. Если горло красное и температура выше 37-ми — врач непременно прописывал сульфадимезин. И велел маме: «Будет тридцать восемь — сразу давайте ему антибиотик». Потом говорили, что нас пичкали антибиотиками излишне. Портили легкие железки. Отбивали иммунитет. Но установка на борьбу с воспалением легких हुई. При всем том врач всегда напоминал: надо постоянно проветривать комнату. И обязательно гулять, как только температура опустится до 37-ми.

Копаться во дворовой земле и в мусоре, тесно общаться с друзьями — пожалуйста. Даже полезно. Именно так с малых лет получаем иммунитет против всевозможных инфекций. Впрочем, талдычили и о руках. Мыть их с мылом перед едой. Дизентерии тоже боялись...

Настоящая жизнь в параллельном мире

Вблизи нашего дома гремели сразу две танцплощадки: и возле «Карлуши», в саду, и около Дома офицеров. На них были дощатые помосты с деревянными эстрадами в виде ракушек, где играли оркестры. Остается только сожалеть, что в те годы я и мои друзья еще не доросли до танцевального возраста и не посещали сами танцплощадки. Только смотрели, что там происходит. Вот где бурлила настоящая городская молодежная жизнь!

Понятно, что подростку было бы опасновато соваться вечером в «Карлушу». Тем не менее, я был мальчишкой наблюдательным, но все равно не вспомню ни одного случая значительных драк или иных эксцессов. В саду всегда дежурила милиция. Каждый день она на моих глазах вылавливала какого-нибудь пьяного. Но не более того...

И более того! По вечерам едва ли не весь центр города слушал, как ВИА (вокально-инструментальный ансамбль) «Карлуши» замечательно играл в ракушке мелодию из репертуара «Битлов» (английской группы «Beatles»). Точнее, это была непревзойденная воронежская интерпретация, аранжировка иноземной композиции со звуками электрогитары, органа и ударных инструментов. Мелодия в ритме танго годилась для медленного танца. И для всеобщего слушанья. Одни люди, и большие и малые, слушали, стоя внутри сада либо у его ограды, на тротуаре улицы. Другие открывали настежь окна или форточки у себя дома. Мелодия завораживала. От нее замирало сердце. Порой ВИА без конца повторял эту новаторскую композицию, исполняя ее на «бис» через раз!

Похоже, что постепенно «Карлуша» благодаря своему прекрасному ВИА и «фирменной» мелодии стала перетягивать посетителей от Дома офицеров. Тамошняя танцплощадка угасала от года к году, становилась малолюднее, а сад «Карлуши» все больше лопился от публики по вечерам. И публика здесь была совсем молодой.

Предоставлю слово краеведу Владимиру Шилову. В отличие от меня, он в 1970-е уже был студентом биофака ВГУ и сполна окунался в вечерние городские гулянья: *«Я предпочитал танцы в “Карлуше”, за что некоторые осуждали меня, считали “спецом” по малолеткам. Там действительно собирались местные школьники и ПТУшники от 15 до 20 лет. Была и опасность получить по шее от местной “коды”, поэтому близких знакомств я там не водил.»*

Да, «кода» (старшеклассники из центральных школ и ПТУ?) могла дать «по шее», но ведь не «в зубы» и не куда-нибудь еще. И мамы старшеклассниц, в том числе и из нашего двора, вполне отпускали своих дочек в «Карлушу». Они были уверены, что не случится ничего плохого. Получается, девочек охраняли не только милиционеры, но и «свои» мальчишки.

«Карлуша» была зданием, смежным с нашим домом, только стояла на соседней Никитинской улице. Чтобы послушать «фирменное» «карлушевское» танго, достаточно было открыть форточку. Звук из «ракушки» на третий этаж шел великолепно, каждый инструмент отличался. Настоящее стерео, которого у нас еще не было в электропроигрывателе. А на Никитинскую к ограде «Карлуши» мы ходили за зрелищем.

Как раз в годы моего детства вошли во всеобщую моду не только ВИА вместо духовых оркестров, но и современные демократичные быстрые танцы взамен устаревших вальсов, танго, фокстротов. Люди стали ритмично трястись в такт музыке. Те, которые не более чем двадцатилетние, особенно старались. Выделялись друг перед другом. Вот это было представление для тех, кто впервые видел подобное действо!

Иногда какой-либо парень начинал так сильно вихляться, что даже издали можно было усомниться в его трезвости. Вот к такому и подходил милиционер.

Однажды мама подвела к «Карлуше» свою подругу Эвелину Домашевскую (будущий знаменитый профессор-физик ВГУ) и ее мужа Владимира. Тот остолбенел от увиденного, широко открыл глаза:

— Так вихлять ногами?.. Руками?.. Что же будет с нашей молодежью?.. Я завтра сюда приду, чтобы подольше посмотреть!

Для кого-то — шумная юность. Для нас — доброе, доброе детство. Оно жило параллельно, по соседству, во дворе, лучше которого, как мы считали, и не было в целом свете.

Кто спрятался — я виноват?

По периметру нашего двора, по асфальтовым дорожкам было удобно гонять на велосипедах и самокатах. На пустыре, который примыкал ко двору справа и граничил с садом «Карлуши», играли в футбол. Девочки в то время не могли представить себе жизни без игры в «классики». Асфальт у всех четырех подъездов дома постоянно был расчерчен мелками на клеточки — на десять «классиков», по числу школьных классов. Прыгали на одной ноге, посылая битую из «классика» в «классик». Требовалось передвинуть ее точно в следующую клеточку, не угодив на линию. Попадешь на линию — уступаешь место подруге.

Меня брали в свои компании и мальчики, и девочки. Поэтому и я часто прыгал по «классикам» с битой, сделанной из круглых металлических коробочек из-под леденцов, зубного порошка, обувного крема или вазелина. Искусство состояло еще и в том, как насыпать песок в коробочку и как плотно прижать крышку, чтобы песок не высыпался, а бита плавно скользила бы по асфальту. Многие леденцовые коробочки были велики для маленьких «классиков». Дети выпрашивали у мам коробочки поменьше — зубные и вазелиновые. Специально просили купить зубной порошок или вазелин.

В шестидесятые мы рисовали «классики» в виде двух одинаковых столбиков, по пять прямоугольников. И еще сверху — «крыша школы», где можно было передохнуть, став на обе ноги. Потом в Воронеж пришла мода на «классики» в форме самолетика: то на одной ноге надо прыгнуть в одиночную клеточку, то перейти на две парные клеточки. Однако в нашем дворе любили чертить по-старому.

Другими играми, преимущественно девчачьими, были забавы с мячиком: «выбивалы», «штандер». Я в них почти не играл. Мальчишки теряли интерес к «штандеру», когда узнавали, что предстоит возня с мячиком руками, а не ногами (то ли дело — футбол!), а правила несколько мудреные. И сейчас в интернете эти правила описывают по-разному. В нашем дворе играли примерно так. Становились вокруг водившего — штандера. Он подкидывал мяч верх и выбирал другого человека: «Штандер — Наташа!». Другие разбегались как можно дальше. Сейчас полагают, что «штандер» переводится с немецкого как «стой здесь». Но тогда о смысле слова не задумывались. Останавливались, когда новый штандер поймает мяч и закричит: «Стоп!» Если тот не сразу возьмет мячик, уронит на землю — ему хуже. Убегут далеко. А штандер должен выбить очередного. И опять: если следующий ухитрится поймать мяч, сам становится штандером. Остальные бегут в круг...

Когда уставали бегать, становились рядком и принимались за следующую игру. Ведущий произносил:

— Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три. Морская фигура, замри!

Остальные качались: изображали море. При слове «замри» замирали. Кто пошатнется — тот водит.

Через несколько лет, в 1970-е годы, популярность «классиков» и «штандера»

Веселый день рождения

вали резиночку узелками из кусочков. А у нас девочки носили с собой по несколько запасных резинок...

Одной из самых увлекательных, всеобщей, всегдашней была, казалось бы, банальная игра в прятки! Сначала определяли по считалке того, кто водил. Он становился лицом к подъезду, к запертой половине дверей, закрывал глаза и горланил:

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват!

Все должны были успеть спрятаться. И мест для этого находилось предостаточно. Выступы на нашем доме — входы в подвал, закоулки сараев 26-го дома, заборы, кусты, штабеля досок, немногочисленные машины, даже лодки... Многие люди раньше плавали на лодках по реке Воронеж, а в межсезонье хранили их во дворах перевернутыми, на подставках. И самое простое для тех, кто не успел найти надежное укрытие, — спрятаться за столбами и деревьями. Самое сложное и интересное: быстро изыскать место, про которое еще никто не знал. Прятаться в подъездах, на пяти этажах дома не позволялось — иначе игра теряла смысл. Ведущий обегал в поисках двор. Если кого увидел, добегал до подъезда, касался двери и кричал:

— Палочки, Олег!..

— Палочки, Ира Лутова!

Фамилия требовалась, так как во дворе жили три Иры.

— Не назвал, не назвал, какая Ира! Не считается! — могла исхитриться Лутова.

Первый найденный становился проигравшим и водил. Спрятавшиеся имели право подбежать к двери и застучаться — опередить ведущего, который обследовал закоулки. Тогда они заранее исключались из проигравших. Большой двор позволял превратить прятки еще и в догонялки.

Если водивший находил не всех или все опережали его, застучавшись, — он «преваживал». Если кто-то слишком долго не отыскивался, то водившему помо-

была основательно подорвана повальным увлечением девочек игрой в резиночку. Для этого покупали в магазинах длинные резинки для трико и трусов. Сначала две девочки становились с резиночкой, натянутой на ноги. Третья зацепляла резиночку ножками и прыгала, выделявая замысловатые фигуры, чтобы резинка накручивалась все сложнее. От этой игры настолько не могли оторваться, что крутились с резиночкой даже в коридорах школы на переменах между уроками.

В интернете можно прочитать, будто было «большой проблемой» достать резиночки. Да ничего подобного. В 1970-х годах они свободно лежали на прилавках магазинов. Может, где-то и связыв-

гали все игравшие. Бывало, совершенно не могли найти этого самого последнего, исчезнувшего во дворовых лабиринтах. Считали его окончательно пропавшим и продолжали игру без него. Думаю, что наши правила прятков были наиболее увлекательными. А в иных дворах играли и по-другому. В одних, например, после первого найденного начинали игру сначала, считаясь; в других — проигравшим считался, как ни странно, последний найденный, ибо он вовремя не застучался.

Вы не поверите, но мы с приятелями играли в прятки и в моей однокомнатной квартире! Если уж научились прятаться за стволами деревьев...

У мальчиков, конечно, были игры посерьезнее и поопаснее. Полезными, разумными считались игры в городки и в «чижа». Городки продавались в магазинах. Требовалось, чтобы их кто-нибудь принес, а другие не растеряли. Ждешь, пока выкладывают и сбивают фигуры из ровных палочек — и азарт быстро проходит. Поэтому более интересным, заманчивым, запальчивым, даже опасным был «чиж». Маленькую палочку клали над небольшой лункой в земле и, поддевая, подбрасывали ее длинной палкой. Играли командами, долго «насались», орали.

Каждый уважавший себя мальчик имел перочинный нож для игры в «ножик». Воззали ножи в начерченный на земле круг. А после правильной игры просто бросали их и в деревянные заборы, и в стены сараев. Благо, было раздолье для бросания. Хвалились ловкостью.

Но самое интересное для мальчишек — оторваться от привычных игр и устроить развлечение из разряда полузапретного: что-то поджечь, что-то разбить! На худой конец, успеть рассказать страшные или забавные байки. Для экстремальных занятий у нас был смежный полузаброшенный двор, где снесли трехэтажное старинное, необычайно ветхое, трещинами покрытое здание Дома учителя. Между нашим домом № 24 и следующим большим домом № 30 оставались кирпичные развалины. На какое-то время перпендикулярно улице уцелели садовые дорожки с кусочками допотопной, кованой ажурной металлической ограды. И даже арка главных железных ворот, слегка ржавая и слегка искореженная, стояла у тротуара. Видать, крепко сидела в земле. И ее не вытащили, а загородили новым зеленым деревянным забором. Много лет просуществовало полузаваленное бомбоубежище, куда мы спускались по скобам лаза-колодца. У колодца росла старая акация, из стручков которой получались хорошие свистульки.

В конце того двора были руины гаражей. За ними — удивляюсь до сих пор — несвойственный центру города перепад рельефа. Горка. Там можно было зимой кататься на санках и картонках, а весной в затопленной низине плавать на досках, как на лодках. Представляете, какое раздолье?!

В центре брошенного двора на пустом месте и кирпичи можно было швырять, и жечь большие костры. Бросали в огонь шины, чтобы дым шел столбом. Или куски шифера, чтобы началась стрельба — зашибись! Разумеется, взрослые не поощряли такие игры. Но всех устраивало, что они происходили за пределами благоустроенного двора.

А если излишнее озорство вдруг переходило и в новый двор, верным стражем порядка был немолодой худой жилец 26-го дома с большими седыми усами. Ему дали кличку «Усач». Он немедленно выскакивал из своей квартиры на первом этаже древнего флигеля и разгонял всех зарвавшихся. Усач особенно гневался, когда дети играли с мячом вблизи его окон. Родителям не жаловался. Но мог схватить за руку и дать подзатыльник. Мы вовремя убегали, дразня Усача. Или баловники вовремя кричали друг другу: «Тикай!»

Усачу не повезло. Низкие, близкие к земле окна его квартирки оказались там, где флигель мешал нашему благоустроенному двору, вклинивался в него. Возле усачевских окон не удалось сомкнуть кольцевой дворовый проезд. Проложили только асфальтовую тропинку. Поэтому под окнами целый день шастали все, кому

не лень. И взрослые, и дети, и пешие, и велосипедисты. Вдобавок недалеко от входа в квартиру Усача, в закоулке 26-го дома стояла «мужская» скамейка. Там взрослые дяди из двух домов собирались вечером за пивком... Такой вот единственный несчастливец Усач оказался во всем дворе.

Временами ребят тянуло на потайное хулиганство, которое, впрочем, никогда не заходило далеко. Любимым озорством моих сверстников было подбрасывание «дымюшек» в подвал или подъезды нового дома. Заворачивали в бумагу и поджигали какую-нибудь ненужную старую игрушку из горючей и едко дымившейся пластмассы. Вот вам повод для размышлений! Сегодня дети побоялись бы так шалить из-за страха перед самыми суровыми карами — вплоть до объявления их чуть ли не преступниками, до взыскания штрафов с родителей и так далее. А в то время озорники были уверены, что даже к их хулиганству взрослые отнесутся понимающе, незлобно. Да, время было другое. Доброе время...

К безобидным играм относилось устройство «секретов» по всему двору. Берешь небольшой стеклянный осколок, под него кладешь бумажку с интересной картинкой и немного зарываешь такой «секрет» в землю. И никто его не видит. А потом находишь и демонстрируешь его другу или подруге.

В холодное время года часто собирались компаниями в подъездах, на площадках лестничных клеток между этажами. Выносили туда книжки, игрушки, открытки, коробки с фантиками и вообще все интересное. Я, как и многие дети, показывал и обменивал открытки и фантики. Нам разрешали играть на полах, выложенных желтыми кафельными плитками. Настолько теплыми и чистыми (во время помытыми) были тогда подъезды.

Зимой дворы заваливало снегом. Но часто случались оттепели: до нуля или одного-двух градусов тепла. Таких градусов ждали, чтобы играть в снежки. Или просто бросать снегом во всех подряд, не дожидаясь игры. Один раз мне очень сильно заехали снежком прямоком в глаз!

Из снега сооружали небольшую горку прямо посреди двора и поливали ее водой, чтобы скатываться по льду. Прыгали в сугробы с крыши тира, который стоял на территории «Карлуши» как раз по границе нашего футбольного пустыря. Летом с такой высоты — метров с пяти — не сиганешь. Зимой в сугроб — пожалуйста.

В снежные зимы и март был снежным. Настоящая весна приходила в город внезапно, одним неожиданно теплым днем. Сугробы быстро таяли во дворах и на тротуарах, выливаясь на дорогу — и тогда по обоим краям улиц бурно текли ручьи. Почти не было припаркованных машин. Даже немногочисленные частные легковушки еще стояли в гаражах. Надо было успеть, чтобы в отведенные природой три-четыре дня пустить кораблики по улице Фридриха Энгельса!

Сегодня лишь на картинках вы видите городские кораблики. Они давно канули в Лету. Впрочем, в наше мальчишеское время мы уже считали каким-то девчачьим занятием складывать бумагу наподобие парусника — так, как изображено в книгах.

За кораблик сойдет какая-нибудь легкая малюсенькая игрушка-машинка, палочка, спичка, картонка. Или просто кусочек бумаги. Он плывет лучше, чем кораблик ненастоящего вида. Плывет долго, так как на всех параллельных улицах в центре Воронежа — постоянный уклон в сторону вокзала. Надо только вовремя поймать бумажку на перекрестке с Комиссаржевской, чтобы не погибла в люкеливневой канализации. И пустить ее в дальнейший путь...

В это время папа продолжал меня фотографировать. Где только ни щелкал: в квартире, в воронежских лесах, на Черном море... А во дворе или возле двора во время игры — ни разу. Только один раз заснял с третьего этажа, как я съезжаю на санках с дворовой горки. Тем не менее, образ моего любимого двора отчасти запе-

чатлен на фото. Ведь папа доверил мне свой старый фотоаппарат «Смену-2», когда я был десятилетним. И я принялся снимать все, что попадется. Домашние сцены с людьми и игрушечными зверями. Видны из окна. В кадры попали родители и собаки у подъезда, кошки на дереве. Но детей во время игр я снять не додумался. И вообще очень трудно найти чьи бы то ни было снимки разных детских игр. Ребята обычно снимали в статичных позах дома или в школе. Дворовые забавы казались будничными, не достойными памяти.

Друзей моих глаза и голоса

С четырех лет моей лучшей подругой была Наташа Рычкова из 61-й квартиры в четвертом подъезде. Курносая, симпатичная, общительная девочка. Летом мы сидели на лавочке. Я уже неплохо читал. Зачитывал ей вслух какие-то книжки. В семь лет это были мои любимейшие сказки Николая Носова «Незнайка в Солнечном городе» и «Незнайка на Луне». Потом мы долго разговаривали о жизни. Помню, что самой жуткой перспективой будущего считалась возможная война с США. Тогда об этом вели речь во всех семьях. И Наташа с уверенностью говорила:

— Скорее всего, будет еще одна война, последняя — с Америкой...

— А ты точно знаешь? Кто сказал? Мать? Отец? Брат?.. — выпрашивал я. И холодок пробежал по моей спине.

У Наташи был старший брат Саша. Он не только в политике понимал лучше нас. Он, минуя родителей, узнавал то, о чем еще не сообщали маленьким детям. Делился с сестрой. А та — со мной...

Зимой же демонстрировали друг другу в подъездах открытки, купленные в киоске «Союзпечать» возле «Диетического магазина». Иногда выходили вечером во двор, ложились спиной на теннисный стол и смотрели на звездное небо. Ты, читатель, никогда не доставлял себе такое удовольствие? Попробуй! Мы с Рычковой даже шапки снимали для полноты ощущений.

Я часто играл дома у Наташи. Она жила окнами не во двор, а на улицу. На первом этаже. Прямо под ее окнами мелькали машины, мотоциклы, автобусы — превосходная комната для наблюдений за жизнью дороги! Когда первая школьная учительница задаст сочинение «Моя улица», Наташа напишет, как гудят ЛАЗы и мчатся с сиреной «скорые помощи». Даже ее бабушка любила сидеть у окна на высоком стуле, поправляя бордовый платочек, но не отрывая взгляд от улицы.

Одним из друзей стал Олег Яхонтов из 51-й квартиры третьего подъезда. Красивый, спокойный в общении, порядочный мальчик. Его квартира — тоже однокомнатная. Поэтому он впускал меня, когда родители были на работе. Мы много слушали его пластинки. Писать и рисовать Олегу приходилось на откидной крышке серванта. Когда Олег пошел в школу, то продолжал делать уроки на крышке, не на столе.

В 26-м доме я тоже обзавелся другом и подругой. Добрый, не бойкий, но надежный мальчик с простым лицом Слава Шевелюхин жил на втором этаже. Его большая семья никогда не оставляла пустой маленькую квартиру. Для детских игр там не было места совсем. Я завидовал Славе: у него был балкон!словно с трибуны стадиона, с балкона можно было смотреть дворные игры! Один раз посмотрели. Но вообще на балконе всегда сидела его бабушка. Что ж, часто болтали со Славой в подъезде.

Этажом ниже жила Алена Краснова. Ей повезло больше всех. Родителям удалось выкроить для нее отдельную крошечную комнатку. Запомнились Аленины конфеты, шоколадки, варенья. Видимо, родители всегда баловали ее понемножку. И она сама всегда была щедрой, могла отдать все свои конфеты до одной.

Однажды пришел к ней на день рождения, и все сидевшие за столом — и дети, и родители — дружно уговаривали меня есть мороженое, да не одно. А я не ел. Почему? Расскажу позже...

На дверях подъездов, естественно, не было никаких замков (пояснение для молодых читателей). При входе в подъезд, под первым лестничным пролетом, дети и подростки ставили велосипеды. Там стоял и мой зеленый «Школьник», который родители купили мне как раз по достижении школьного возраста. Никогда не опасался, что его могут украсть свои или чужие. В подъездах же, на полу около квартирных дверей, школьники часто бросали свои ранцы и портфели по приходу из школы, если дома никого не оказывалось, а у них не было ключей.

Все двери открывались внутрь квартир. Так было удобно в малых габаритах лестничной клетки. Как-то у нас сломался замок. Отец битый час пытался открыть его, а потом, наконец, просто ударил по двери ногой с силой — и вышиб замок! И такая прочность запоров удовлетворяла людей. Правда, изредка воры взламывали наши сараи в подвале дома. Там можно было орудовать тайно, не на виду у всего двора. Сильно вспомнить, что украли у нас, — и не могу. Значит, ничего существенного.

В 1969 году мама с папой повели меня из любимого дома на улице Фридриха Энгельса в первый класс 58-й школы, где я проучился все десять лет. И вышло, что целую треть нашего класса составили мои друзья по двору: Наташа Рычкова, Олег Яхонтов, Галя Завадская, Гера Бокк, Марина Беляева — все из 24-го дома, а еще Слава Шевелюхин и Алена Краснова из 26-го! Несколько других соседей-ровесников учились в параллельных классах. В первые школьные месяцы и годы я опять был погружен, помимо школы, в жизнь замечательного двора. Нас стало больше тянуть и за его пределы. Появилась известная игра в «казаки-разбойники», а она теряла свою привлекательность, если не охватывала улицу и соседние дворы.

Обозначились дворовые лидеры. Те, что постарше. Например, Леня Заинцев: он устроил футбольный турнир между командами нескольких дворов. Или мой ближайший сосед из 29-й квартиры — 12-летний Юра Панкратов, немного старший, чем я. Тот сам собрал деньги (по несколько копеек) со всех, кто желал зимой устроить каток на футбольном поле. Сам купил длинный шланг. Заливал пустырь. Следил, чтобы на коньках катались уплатившие взносы. Но и неуплативших, конечно, пускал. Вот бы он перенесся на машине времени в сегодняшнее время. Попытался бы никого не пустить! Понял бы, что... пускать некуда.

Мама купила мне коньки и принялась учить меня скольжению. Я обучился с большим трудом. Прокатался лишь одну зиму. Потом сразу вырос из коньковых ботинок и больше никогда не захотел новых. А навыки езды на двухколесном «Школьнике», наоборот, на всю жизнь пригодились. Тоже мама выучила. И поныне у меня два велосипеда: на одном езжу по городу, на другом — по лесу. А во втором и третьем классах стал гонять по соседним дворам, по тротуарам, по аллеям «Карлуши». По проезжей части — ни-ни! Родители настрого запретили.

Не хотелось бы нарочито идеализировать жизнь двора. Были случаи, когда самые инициативные, они же и более сильные, обижали слабых. Но бить — не били.

Или мучили кошек. Дворовых кошек было очень много, жильцы привыкли к их ночным завываниям, целым «концертам». Кто-то подвесил двух кошек на дерево за хвосты. Но редкие дурные примеры не становились заразительными. Ведь подавляющее большинство детей было из хороших семей. И двор не только общал к баловству, но и действительно воспитывал. Мучителя кошек тут же прозвали живодером...

Моим лучшим другом еще в дошкольное время стал Валера Полковниченко, который жил в моем подъезде выше меня, на пятом этаже, в 36-й квартире. Он был младше года на полтора. Но это нам не мешало. Невысокий и немного смешной ушастый Валерка оказался очень компанейским. Мне нравилось, что он интересовался буквально всем. В школьные годы наша дружба стала особенно тесной на почве того, что я стал водить его в путешествия по окрестным дворам, улицам, кварталам. Нас охватила детская жажда поиска и познания: где что находится и где что валяется?

На свалках тогда можно было найти много интересного! Обследовали все подряд дворы и скверы. Бродили с другом и по территории бывшего Чугуновского кладбища. Там был огромный строительный котлован, заброшенный на несколько лет, и в нем мы находили человеческие кости. В сентябре обязательно сбивали палками каштаны с деревьев на улицах Фридриха Энгельса и Комиссаржевской. На тротуарах, во дворах и скверах. Наш район славился и до сих пор славится каштановыми деревьями. И местная ребятня всегда была неравнодушна к созревшим симпатичным коричневым плодам, твердым, словно камушки. Чтобы сразу набить карманы многими каштанами, мы с Валеркой часто ходили с палками к двум большим старым деревьям. Одно росло возле сада «Карлуши», позади здания областного военкомата, а другое в саду Дома офицеров на проспекте Революции. Там и палки кидать было безопаснее.

В саду «Карлуши» мы строили и разрушали какие-то крепости из ящиков и другого подручного материала. После дождей наводили плотины. В весеннее половодье плавали на каких-то плотках, ибо водой заливало весь сад. Слава Шевелюхин нашел корыто, и мы в нем путешествовали по саду втроем... И никто не мешал детям. Кажется, что это было в другой жизни. Не только потому, что прошла уйма времени. И не только потому, что Валера, к несчастью, преждевременно умер. Все улицы, дворы и скверы воспринимались как общие, доступные для всех — не то что сейчас каждый клочок земли объявлен чьей-то собственностью, огорожен, заперт, обставлен видеокамерами или охранниками...

С родителями на первомайской демонстрации. 1964 г.

Немаловажно, что в наших центральных кварталах, в отличие от городских окраин, совершенно не было вражды между дворами или улицами. Никогда не случались драки между «своими» и «чужими». Правда, немного позже, в середине 1970-х годов, очень опасно стало ходить в одиночку по уличным тротуарам именно из-за чужих подростков. Они промышляли: «Дай десять копеек!». И сразу могли дать тебе в зубы. Как ни удивительно, одним из самых опасных считался бульвар на улице Карла Маркса напротив моей школы...

В городе всегда что-то строили, и многие мальчишки лазили по стройплощадкам — хотя бы для того, чтобы раздобыть карбид. Приносили его в свой двор и с удовольствием бросали в большую лужу. Как он вскипал и шипел! По соседству, на Никитинской, быстро возводили здание Центрального райисполкома. Я видел из своих окон, как появился его ребристый, в красную полоску, фасад, а над стеной стал развеваться красный флаг. Затем с 1973 года строили двенадцатиэтажный жилой дом № 24а на Фридриха Энгельса. Котлован вырыли почти впритык к нашему дому — к сожалению, на месте дворового футбольного-хоккейного поля. Полковниченко носил со стройки карбид и меня звал. Я лазил туда раза два. Но больше не совался, следуя наказам родителей.

Тем не менее, в кругу близких друзей иногда совершал другие запретные, слегка хулиганские действия. Бросали с Валеркой бумажные бомбочки, наполненные водой. Сначала из моего окна, с третьего этажа. Сворачиваешь лист бумаги так, что он образует непротекаемую коробочку, а сверху остается отверстие, куда наливаешь воду. Полстакана вмещается. Если попадешь кому-то на голову или на спину — не больно ему, но эффектно. Конечно, много не набросаешься. В своих друзей попали — и хорошо. А в чужих людей кидать страшно. Метнули пару раз из окон Валерки — на тротуар улицы, под ноги прохожих. И больше не стали. Ведь легко вычислить, откуда сброшена бомбочка.

С тем же Валеркой расклеивали в подъездах соседних домов дурацкие объявления, например: «Пропала собака, черная, особая примета: пятая нога. Срочно сообщить в дом №..., в квартиру №...». Он рискнул приклеить свое объявление в холле нового кинотеатра «Пролетарий» — на колонне около декоративного бассейна, куда люди кидали на счастье мелкие монетки: «Товарищи! Вы часто бросаете в воду монеты 1, 2, 3 коп. Спрашивается, почему вы не бросаете по 50 коп. или по 1 руб.?»

Одну зиму мы тренировали ловкость рук. Старались точно попасть снежками в открытые окна проходивших по улице автобусов. Понимали, что из автобуса никто мгновенно не выскочит. Но вскоре эти опасные шалости сошли на нет...

Такое было время...

Время замедляет ход

Изредка заходя в свой двор детства, я думаю: вряд ли его нынешние 5–10-летние обитатели испытывают такие удовольствия, какие были у нас.

Нет, не надо опять намекать мне про розовый свет, в котором видится детство! Пытаюсь высмотреть: есть ли в памятном дворе какие-либо улучшения, произошедшие за 50 лет?

Белокирпичные стены дома посерели. Бетонные цветники на подоконниках местами полуобвалились. Зато вместо квартиры моей подруги Наташи — какая-то ухоженная кафешка. Нет привычно торчащей в окне Наташиной бабуся в бордовом платочке. Есть светящиеся непонятные слова.

На днях мы с Наташей решили зайти туда! Через окно, переделанное в дверь, попали прямо в бывшую комнату, где полвека назад подруга показывала мне кук-

лы. Мигом подбежал услужливый молодой человек: «Что желаете?» — «Я здесь жила», — огорошила его Наташа. «Но ведь люди жили здесь очень давно!» — не поверил он. «А что это у вас интересное на прилавке?» — спросил я. «Электронные сигареты!» — «Действительно, интересно...» — изрек я...

Бордюрные камни во дворе повредили, поломали еще в 1970-е — 1980-е годы при рытье траншей. И только совсем недавно положили новые бордюры. Спасибо! Но при этом устроили несколько асфальтовых стоянок для транспорта на месте бывших кустиков и травки, где мы играли.

Нет футбольной или хоккейной площадки. Есть большой тополь и большой ясень, но вообще деревьев меньше. Состарилась, а потом исчезла наша знаменитая плакучая ива. И люди, как деревья, выросли или умерли...

И даже у 26-го дома та же судьба. Его снесли в 2005 году. На его месте начали новую стройку. Оказалось, что незаконно. Теперь здесь зияет заброшенный котлован. Вместо подъезда, где жил Слава Шевелюхин, да и вместо гаража, где стояла «Победа» его отца, — непроходимые заросли кустарника в ямах. Котлован так огорожен забором, что оттяпана добрая четверть наших любимых мест. Спилены пирамидальные тополя, возвращенные отцами. Погиб громадный старейший серебристый тополь. Двор не стал казаться меньше. Он таким стал натурально.

А главное — во дворе нет всеобщей вечерней игры, нет детского шумного фона!

И подъезды закодированы домофонами в знак того, что некому и незачем постоянно вбегать-выбегать. Очень кстати заметить, что и мои знакомые, выросшие в многоквартирных домах на других улицах — на Володарского, Кольцовской, в Березовой роще, — говорят, что их посещает то же страшное ощущение, когда они лицезреют современные дворы. Ощущение пустоты. Ощущение того, что нет чего-то самого главного... Конечно, в последние годы во многих дворах сделаны яркие песочницы и качели. Спасибо! Но возле них копошатся только два-три малыша. Пустые турники. Дети не бегают, не прыгают, не балуются. Они сидят дома за компьютерами или смартфонами...

Мой двор был не уникальным, а скорее типичным в добром старом Воронеже.

Если все это принимать близко к сердцу, возникает ощущение, что время остановилось около полувека назад — как в кинофантастике. И остановка случилась не где-то в параллельных мирах, а в твоём реальном настоящем.

Что ж, на земле не бывает ничего вечного. В том числе и эта возникшая пустота снова оживет когда-то детскими голосами. Может, просто время остановилось, чтобы когда-нибудь опять запустить свои стрелки доброты?

И последнее наблюдение о дворах. В школьном возрасте я близко столкнулся со своими сверстниками из других районов города. Например, в межшкольном комбинате, где проходило наше трудовое обучение. И увидел, как сильно отличаются нравы «бандитских» районов от наших. Ребята из 37-й школы могли запросто избить кого-нибудь. Это не кошку один раз привесить за хвост и не «дымовушку» подбросить соседям ради шутки!

Опасными были и многие мальчишки из других окраин «частного сектора». Как-то мы вдесятером сбежали с урока. Спустились вниз к водохранилищу. И там нас поколотила компания с Чижовки. Сначала потребовала вывернуть карманы. Потом дала по зубам тем, у кого нашлись 10 или 20 копеек. Мол, почему сами сразу не отдали? Очевидно, что ребята, выросшие не в многоквартирных домах, не в шумных многолюдных дворах, не получили вовремя уроки коллективного добросердечия. И от этого они пытались реализовать себя таким жестким способом.

3. НАЕДИНЕ С КВАРТИРОЙ

Кому хорошо в одной комнате?

По архитектуре наш 24-й дом — заурядный, типовой. Стены из белого силикатного кирпича. Нынче выглядят серыми. Однако ни один тогдашний жилец не сетовал на архитектурную безликость. Дом вытянут вдоль улицы. Четыре подъезда со двора. Хотя построено уже при генеральном секретаре КПСС Брежнев, но планировка и всего здания, и каждой квартиры — типично хрущевская. Наша квартира под № 30, напомним, была однокомнатной. Характерные низкие потолки. Тесная кухня. Совмещенный санузел. Однако я не испытывал ни малейших неудобств. И ни от папы, ни от мамы не слышал жалоб, как мы помещались здесь втроем. Потому что помещались, по тем временам, прекрасно. Только по прошествии десяти лет родители стали думать, где и как жить дальше. А в середине шестидесятих семья впервые получила весь набор не просто удобств, а удобств замечательных. Так начинали жить многие семьи.

Комната одна? Но отец отгородил мне спальное пространство сплошной завесой из больших толстых штор серо-зеленого цвета, с изображениями пучков длинных темных листьев. Над моей кроватью повесили забавные картинки. Спальня получилась невероятно уютной. На день шторы раздвигались. Впрочем, я их нередко задвигал обратно, чтобы посмотреть диафильмы — как раз при нужном затемнении. Сам включал диаскоп с четырех лет, когда мне его подарили на день рождения.

Торцом к кровати стоял одежный шкаф, и я, забираясь ногами на грядущую кровать, попадал в «штаб», устроенный наверху шкафа. Знаете ли вы, что очень удобно стоять полчаса и час, опираясь на шкаф локтями? Вел там «наблюдение» за квартирой и за видневшимся через окно городом. Делал «секретные» записи в тетрадке, кладя ее на шкаф.

Батареи зимой были всегда страшно горячими. Не сочтите, что плохо помню, — вода из новых водопроводных труб тогда была очень чистой, без примесей и привкуса ржавчины. Мы пили ее без кипячения и отстаивания. И хвалились перед родственниками. Я любил пить прямо из-под крана. Собственно, с тех пор я ни в одном воронежском доме не пробовал такой вкусной водопроводной воды.

Кухня мала? Зато в ней — газовая колонка! Нагревали воду в любое удобное время. В банный день или по потребности наполняли горячей водой ванну. Это вам не купание в тазиках на общей кухне! Пусть ванная совмещена с туалетным санузлом, зато достаточно просторна. Здесь умещалась даже стиральная машинка. Тут же отец с комфортом печатал фотокарточки, часами пользуясь проточной водой нужной температуры, и меня учил.

Понятно, что папа, с его золотыми руками, не мог не смастерить по всей квартире множество полочек-антресолей, которые идеально сэкономили жилплощадь. Во всех антресолях раздвигались по полочкам дверочки из пластика. Позже сам построил книжную полку и книжный шкаф, так как у нас книги прибавлялись и прибавлялись. Неширокий шкаф уместился в проходе между прихожей и кухней. Его папа свинтил из тяжелых текстолитовых досок — каких-то отходов, списанных (не нужных, отданных бесплатно) на ВЗР. В те годы все, кто работал на заводах, старались что-то «доставать» на своих предприятиях для бытовых нужд. И хорошо экономили семейный бюджет.

Тот самый «чешский» шкафчик, который удостоился «честь» фигурировать в партийных документах завода ВЗР, полностью отдали мне. Вверху за плексиглазовые «стекла» поставили мои книги, а внизу на закрытые полки — игрушки.

«Это шкафчик Павлика», — с гордостью говорила мама гостям. «Это Шурик

сделал», — добавляла бабушка Дуся, и от ее улыбки расплывались все морщины, которые, как я думал, появились в войну. «Как, разве не импортный?» — недоумевали мамыны подруги — тетя Тома, тетя Эля, тетя Алла и так далее...

Конечно, не обошлось и без покупок мебели. Родители сразу, как переехали, приобрели себе типичный двухместный диван-кровать. В 1960-е годы буквально все покупали такие диваны. Они пришли на смену неуклюжим железным кроватям со слишком высокими грядушками. Удобные, раскладные, они высвобождали квартирную площадь. Когда я стал школьником, папа купил мне письменный стол. Его поставили на место большого обеденного стола. Большой стол отец отправил в подвальный сарай. Что поделать, его приходилось приносить, собирать и ставить посреди комнаты каждый раз, когда приходили гости.

Для кухни папа приобрел компактный столик. Он стоял в углу. На нем мы кушали втроем: двое с одной стороны и один с другой. И тут же мама выиграла по лотерейному билету холодильник «Юрюзань»! Его оставалось поставить при входе в кухню. Даже мне казалось, что он отнимал много места. Но как завидовал нам дедушка! Он, персональный пенсионер республиканского значения, до конца жизни довольствовался погребом во дворе. Когда ослабел в старости, в погреб пришлось лазить бабушке Соне. Да еще в старом дедушкино-бабушкином доме в зимнее время клали продукты между оконными рамами... Кстати, в «хрущевках» для той же цели предусмотрели очень удобные холодильные ниши между стенами. У нас ниша обычно была занята банками с опятами, которые консервировал папа.

О «Юрюзани» не скажу как о технике надежной или долговечной. Лет через шесть (по тем временам это небольшой срок службы) холодильник начал барахлить, плохо холодит. Несколько раз папа вызывал со своего завода мастеров, которые заправляли трубки фреоном и вдобавок что-то подпайвали. И это не самое плохое. Железная ручка холодильника внезапно била током! Где-то году в 1973-м папа так взялся за ручку, что несколько секунд даже прокричать ничего не смог, пронзенный всеми 220-ю вольтами и примагниченный к ручке! Но он, заместитель главного механика завода, смог сам устранить неисправность. Впоследствии холодильник если и хулиганил, то только чуточку. Редко и ласково щипался током.

Сарай в подвале дома имела каждая семья. Там хранили если не столы, то лыжи, велосипеды, крупную посуду, стройматериалы, старые журналы, всякие стеклянные банки, и пустые, и с вареньем.

Квартира не требовала большого ремонта все прожитые нами десять лет. Только дощатый пол приходилось подкрашивать, ибо краска на нем часто стиралась. Строители побелили стены светлой розовой побелкой, поверх которой валиком нанесли серебристый растительный орнамент в виде легких веточек. Обои тогда не были в моде, давно считались отжившими и не практичными. Их стали вновь вводить в обиход только через несколько лет, в 1970-х годах.

Еще одно сравнение. В квартире деда, в его доме, построенном в 1920-х годах по дореволюционным образцам, не было вентиляционных каналов. В крошечной комнатке даже в морозы приходилось часто открывать форточку. Именно там я сильно простудился в три года. И болел ангиной очень страшно, с осложнением... В новой квартире вентиляция работала отлично, через отверстия в полу. Правда, те же каналы обернулись стратегическими ходами для зловредных комнатных насекомых.

Да, если и были какие-то недолгие бедствия в однокомнатной квартире, то ими этим бедствиям, конечно, клопы и тараканы. Но они были бедствием всех домов и всех городов. И не приметой СССР, а приметой середины XX века (и, наверное,

более ранних времен). Между прочим, приметой лучшей экологической обстановки и меньшего распространения сильных ядов. И, конечно, наследством коммунальных квартир. Там люди долго мыкались без удобств, которые сегодня воспринимаются как нечто неотделимое от жизни. Без холодных и горячих водоводов, без канализации, газа, центрального отопления... Вместе с вещами насекомые попадали в новые дома.

То один, то другой наш сосед решается на радикальные меры: долой клопов или тараканов — смертельным дихлофосом. И сразу целые полчища выживших жучков идут на ответные меры: дружно по вентиляционным ходам переселяются в ближние квартиры.

Основная сложность: как уничтожить клопов или тараканов, но не отравиться самим? Попрыскать дихлофосом — значит, тут же уехать куда-нибудь на турбазу или, на худой конец, заночевать у родственников.

Вот мелкие, но противные круглые розовые клопы внезапно забираются во все щели диван-кровати. Тогда папа поливает их кипятком из чайника. Заваривает один чайник, за ним второй, третий. Вполне безвредное действие. Но оно безвредно и для тех особей, которые замуровались глубоко в щели... А больших усатых тараканов мама угощает на кухонном полу кусочками хлеба, перемешанными с борной кислотой. Тоже достаточно безопасно для людей. И для нашего черного Кузи...

Лишь в 1980-е годы популяции клопов и тараканов в городских домах резко уменьшатся. Поэтому и обои станут клеить повсеместно. Без боязни клопов.

Мне ведь очень повезло в детстве, что герои этих строк кусали меня редко? Не представляю, как раньше человечество мучилось всегда и везде? Оно даже привычно спало вместе с клопами, не замечая укусов? Считало укусы такой же ерундовой помехой, как и уличный шум из окна? И не только в провинции, а в самых что ни на есть столицах. В шестидесятых огромным клоповником была старая Москва.

В 1970 году, когда окончил первый класс, впервые попал в столицу. Приехал вместе с папой. Остановились у его знакомой одинокой старушки, у тети Они. Та жила вблизи Садового кольца — среди закоулков напротив здания Министерства

Игра во дворе

иностранных дел, в Ружейном переулке, в убогом, некрасивом старинном флигеле, в единственной захлавленной комнатушке. Для меня нашлась постель, но... Только тетя Оня выключила свет, зачесалось все тело сразу! Я вскочил. Опять щелкнули выключателем. И оказалось, что клопы ползут буквально везде: по стенам и шкафчикам, по занавескам и коврикам. Не могло быть и речи о сне. А тетя Оня по-доброму усмехнулась: мол, мальчик, не привычный к Москве, приезжий, изнеженный...

Да, чуть не забыл про телефон. Люди даже и не мечтали о таком виде связи, как сотовая. Еще недавно все жили без нее совершенно нормально. Но ведь до начала 1970-х годов абсолютное большинство народа в центре Воронежа не имело даже самых простых квартирных телефонов.

Многим начальникам квартирные аппараты полагались по должности. И многие начальники обладали ими еще до войны, как, скажем, мой дед — заведующий горздравотделом Александр Андропов. Но война сорвала планы обширной телефонизации страны. Тот же дедушка после освобождения Воронежа прождал телефона почти тридцать лет. В 1960-е годы в городе образовалась длиннющая телефонная очередь. В нее мог записаться каждый, кто желал иметь дома телефон. И люди записывались. Только конкретных сроков им, увы, не называли. Вне очереди имели право получить телефон и папа как заводской начальник, и мама как преподаватель Воронежского государственного университета (тогда еще не доцент, а ассистент). И дедушка как персональный пенсионер. И все написали заявления о своем праве. Но... номера на телефонных станциях Воронежа закончились. Их просто неоткуда было взять. Подземные кабели к рубежу 1960-х и 1970-х годов уже были протянуты почти к каждому дому. Однако строительство телефонных станций немного запаздывало. И мы несколько лет ждали, ждали... И мало верили в скорое чудо.

Но ведь вполне обходились и без этого чуда. Что-то сказать родственникам? Легко: пожалуйста пешком или на автобусе. Срочно поговорить с другим городом? Пожалуйста — на переговорный пункт на улицу Пятницкого, в боковой вход Дома связи. А милицию, «скорую» или врача на дом из поликлиники привычно вызывали из телефонов-автоматов. Весь город был буквально увешан автоматами. А чтобы «двушки» всегда лежали под рукой, многие их собирали в коробочке или баночке.

И тут возьми да и случись то самое чудо! В начале 1970-х годов в центре города ввели в строй крупную АТС-5. Ее смонтировали в новой пристройке к Дому связи. Все новые номера центра начинались на 5 (позже добавили вторую пятерку, стало 55). Связь дали не только особенным и заслуженным. Дали вообще всем желавшим. Абсолютно всем жителям центра, которые написали заявления. Также поставили телефон нашим родственникам и друзьям в другие дома. И коллегам мамы и папы по работе. Разумеется, и всем моим приятелям по двору. Вот это был праздник в городе!

Разговаривать пятнадцать минут — чрезвычайно долго по тем меркам. Иногда такое случалось. Разговоры с родственниками. Или мама стала болтать с подругами. Так открывались невиданные, точнее, неслыханные грани жизни. Однако я звонил своим друзьям и подругами только в крайнем случае. Например, чтобы узнать домашнее задание, если пропустил школьный урок.

А зачем еще звонить? Если надо что-то крикнуть приятелю по двору — достаточно открыть форточку. Если сказать что-то важное — просто позвонить в дверь его квартиры. А школьные друзья — каждый день в школе.

Единственный металл лежал у нас в карманах — ключи от дома, когда мы сидели на школьных уроках в третьем, четвертом, пятом классах... Только в

шестом у нас начали появляться часы на руках. И мне родители тогда же пода-рили простые механические часы, чтобы я не отстал от других. Сначала мы всех обладателей часов в шутку называли «блатными». Имелось в виду, что в стране была некая прослойка блатных людей, обвешанных кольцами, цепочками и прочими драгоценностями. Как это показывали в советских фильмах-детективах.

А раньше время отсчитывали только по школьным звонкам и по большим часам, которые висели при входе в школу. Да по домашним будильникам. Тогда большинство учеников нашего класса жили где-то поблизости. Уже с самого первого класса почти каждый из нас ходил из дома в школу и из школы домой самостоятельно. При этом родители были на работе. Не знают ни родители о детях, ни дети о родителях, кто чем занят. Не думают, кто где будет через час. Никто не волнуется. Такое было время...

Напомню, что тогда все разговоры были бесплатными. Только в 1980-х годах, при Горбачеве, заговорят о введении повременной платы и реально введут ее в качестве эксперимента. А в 1970-х мы знали только абонентскую плату за телефон: в месяц — 2 рубля (за неспаренную линию полагались бы 2 рубля 50 копеек). Нам выдавали на год абонентскую книжку. Каждый месяц мама заполняла две очередные странички: квитанцию в двух экземплярах, подкладывая копірку. Вписывала от руки фамилию, адрес и номер телефона. Несла книжечку в сберкассу (или на почтамт). Там брали плату, проставляли кассовый штамп (или почтовый штемпель) и отрывали второй экземпляр.

Одновременно так же — в другой книжечке — заполняли и оплачивали квитанцию для расчета за квартиру. Только одна маленькая бумажечка — за все коммунальные услуги сразу. Вот и все. Каждый месяц вписывали одну-единственную и постоянную сумму, рассчитанную домоуправлением НИИ связи. Она одновременно включала и собственно квартплату, и деньги за электричество, отопление, водопровод, канализацию, газ и радио. Единственный счетчик — электрический — висел в прихожей. В квитанции фигурировала стоимость среднего расхода энергии. Ее определяли в домоуправлении по годовым показаниям счетчика.

У меня до сих пор хранится расчетная книжка с квитанциями за 1974 год. Квартплата — 2 рубля 25 копеек, отопление — 1 рубль, вода и канализация — 1 рубль 41 копейка, освещение — 2 рубля 30 копеек, радио — 50 копеек, газ — 60 копеек, итого за месяц — 8 рублей 06 копеек.

Остались квитанции и для других квартир. В июне 1974 года моя бабушка Соня, уже вдова персонального пенсионера, отдавала «итого» 3 рубля 69 копеек — за двухкомнатную городскую (как теперь говорят, муниципальную) квартиру с общей кухней. С августа того же года ее попросили отдельно вписывать в квитанцию показания электрического счетчика, а также самолично рассчитанную сумму за свет. Получалось: 4 рубля 39 копеек — собственно квартплата, а с учетом электричества — около 6 рублей.

В середине 1970-х родители задумали выбраться из однокомнатной квартиры. Конечно, им и раньше было не так комфортно, как мне! Вечерами они подолгу сидели на кухне, делились впечатлениями дня — ждали, когда я засну, чтобы войти в комнату к диван-кровати... Но я не засыпал и иногда даже пел песни в своей кровати... А тут и вовсе подросток.

И в 1975 году мы переехали в бабушкин дом. Ее довольные соседи поменялись с нами. Покинули опостылевшую неблагоустроенную коммуналку. Въехали в нашу замечательную квартиру. А мы объединились с бабушкой. Получилась трех-

комнатная квартира, уже не коммунальная. Сначала папа платил за все от 6 до 8 рублей — в зависимости от расхода энергии. Через пять лет бабушка умерла, ее льготы исчезли. И мы за нашу «новую», то есть старую квартиру, стали отдавать постоянную сумму: 19 рублей 94 копейки в месяц. В том числе за свет «по среднему» — 5 рублей. Далее с 1983 года подорожали газ (1,5 руб. вместо 0,36 коп.) и вода с канализацией (1,41 руб. вместо 0,96 руб.) и получилось «итого» 21 рубля 53 копейки...

Сейчас в интернете ведут бесполезный спор: «много» или «мало» платили в СССР? Кто-то пытается доказать, что «много»: около 10 процентов семейного бюджета. Но в качестве доказательства он выставляет самые поздние, «горбачевские» счета. И не учитывает, что каждая квартира отличалась и удобствами, и количеством комнат, и жилой площадью, и числом работающих жильцов, и их льготами. Забывает, что квартплату назначали обязательно с учетом дохода жильцов: об этом сообщалось на обороте обложки расчетной книжки... Другие люди насчитывают «мало»: около 1 процента. Третьим кажется, что они почти ничего не платили (по-этому и сумму не помнят!)

Сравним с зарплатами. В начале 1970-х годов папа получал на заводе около 150 рублей в месяц, мама в университете — около 100 рублей. Значит, они вынимали из общего кошелька примерно три процента. Правда, родители не работали в НИИ, который домом заведовал, иначе отсчитывали бы за «хрущевку» меньше...

Впрочем, мои записки — не о деньгах.

Как папа ни старался преобразить старую дедушкино-бабушкину квартиру, так и не довел дело до конца. Несколько лет вкалывал по выходным. Сам долбил и штукатурил, пилил и стучал. Несуветные усилия приложил, чтобы вклинить ванную комнату с ванной в планировку «царя Гороха» — туда, куда ванна никак не влезает! Не двигать же капитальную стену? Такие же проблемы были с установкой газовой колонки в доме, где проектировщик задумал только печное отопление на века вечные. И уже совсем страшно лопались и текли многочисленные ржавые трубы под полом — там, куда подлезает только кошка, а не человек. И ржавели трубы невероятно быстро в темном сыром первом этаже. Передо мной — лицо разгневанного отца, который в середине 1980-х звонит в час ночи дежурному обкома КПСС: «Здравствуйте. С вами говорит Попов! Мой адрес... Когда же приедет аварийная?!» — «Кто такой Попов?» — «Я просто жилец! Просто член партии!» Папу не узнать: ведь он такой добрый и кроткий человек. На людях обычно молчит.

После этого аварийная мчалась и прикатывала через пять минут.

И до сих пор многие жильцы мучаются в этом доме. Там и комнаты неудобные, какие-то кубообразные, ибо потолки высоченные — больше трех метров. Много воздуха? Но до потолка не достать, даже если надо убить одну-единственную приставучую муху или снять единственную паутинку. И внешний облик дома вечно был мрачноватый, убогий, даже депрессивный. Высокие, но узкие окна монотонно гляделись на неоштукатуренных грязно-красных фасадах (стены оштукатурили совсем недавно).

И не было там никогда (даже в 1975-м) того превосходного двора моего детства. Я видел в окна нерадостных детишек и невеселые деревца. Старался не глядеть на озабоченных пенсионеров и на их угрюмые сараи, куда они привыкли каждый день лазить в погреб.

Вот почему увечный дом не заслужил даже того, чтобы назвать его адрес. И это о нем — последние строки. Переносимся навсегда обратно, в дом детства.

Игры в одиночестве

После сладкого сна просыпался в одно и то же время: в девятом часу. Детский сад я долго не посещал. В рабочие дни ко мне приходили мои бабушки (если меня не отводили к ним). Они начинали свой день с приготовления мне завтрака. В выходные я ел с родителями.

После завтрака вынимал из шкафчика игрушки и раскладывал их на дощатом полу, на диване и на стульях. В малые годы всяческие родственники и гости дарили мне разнообразных плюшевых, резиновых и пластмассовых зверюшек и человечков. И на новой квартире я нашел им отличное применение. Они были моими пациентами в импровизированной поликлинике. Я заводил на каждого карточку. Фиксировал болезни. Вставлял им в зубы пломбы (из зубной пасты). Разумеется, сказывались впечатления от посещения участковой детской поликлиники № 2 (возле Петровского сквера). Туда матерей заставляли по многу раз водить детей ко всем врачам.

До сих пор берегу моих самых любимых зверей. Конечно, спустя пятьдесят лет вид у них несколько изношенный. Кто-то помялся, кто-то посерел, кто-то остался без уха или лапы. Но никто не развалился, и в целом компания замечательная. Вот плюшевая кошка Юля и обезьяна мужского рода Тюлюлюй, вот пластмассовый тукан женского рода Мила, резиновая белка Роза и ее пластмассовый бельчонок Узелок... Цел резиновый милиционер Степа (назван так, как и в стихах Михалкова про дядю Степу).

Особое место на книжной полке занимает заводной песик Тимофей. С ним связана особая история, полная тайны! Его купил мне дедушка Саша (Александр Тимофеевич) в магазине игрушек «Буратино» на проспекте Революции. Я без конца крутил ключик прямо в псинном животе, и Тимофей, жужжа, кружил на столе на задних лапках. Но однажды мама пошла со мной в театр кукол (он был в одном здании с кинотеатром «Юность») на спектакль «Волшебник изумрудного города». Я не отпускал из рук понравившуюся собачку. В театре пришлось положить ее в карман, и она... исчезла. Мама сделала вывод, что это проделки Гудвина и что надо сходить на тот же спектакль во второй раз, попросив волшебника вернуть игрушку.

Я в чудеса не слишком верил. Еще с пеленок точно знал, что Баба Яга, Змей Горыныч и всяческие волшебники вместе с Дедами Морозами водятся лишь в сказках. Родители меня никогда не обманывали на этот счет! Но с мамой в театр все-таки же пошел опять. И Гудвин... действительно подложил собачку в карман! Чтобы не потревожить детскую тайну, мама мне не выдает ее до сих пор...

Представляете, Тимофей и поныне заводится и крутится. Правда, устает быстрее, чем в своем щенячем возрасте. Меньше делает кругов.

Мне не разрешали стрелять в квартире из револьвера — пистонами. Запах пороха не нравился никому, кроме меня самого. А где еще стрелять? Во дворе звука раздавленного пистона совсем не было слышно.

Но самой любимой игрой в одиночестве были, разумеется, машинки. На полу строил дороги вдоль и поперек досок. Стройматериалами служили книги и кубики. Пускал машинки по разным маршрутам так, чтобы они нарушали правила движения, а иногда сталкивались и переворачивались. Игрушечный дядя Степа всегда был начеку, выписывал штрафы, вызывал «скорую помощь» (белый пластмассовый «москвич» с красным крестом). Очень кстати мне подарили в картонной коробке игру «Дорожные знаки» — пластиковые кружочки с изображениями многих реальных знаков. Они втыкались штыречками в небольшие стоечки. Для расстановки на моих дорогах — то, что надо! Знаки я выучил в четыре года, ибо в это время папа приобрел настоящий «москвич»...

Самые веселые дни

Любимая квартира — это, конечно, любимые праздники. Мои и семейные.

Папа с пеленок несказанно баловал меня новогодними елками. Елки в его жизни значили многое. Ведь благодаря им он и познакомился с моей мамой. В начале 1950-х годов он был комсомольским вожакom на ВЗР и устраивал елки в подшефной 9-й школе, где училась и была секретарем комитета ВЛКСМ мама... Что он только не придумал дома после моего рождения! То, что елка мигала огнями, — это само собой. Но елка еще и крутилась в обе стороны при помощи электрического моторчика. Во время вращения подставки электроконтакты то замыкались, то размыкались, и поэтому лампочки мигали. А второй моторчик крутил в обратную сторону большой круг под елкой — и там оживали персонажи Корнея Чуковского из его сказки про Тараканище.

Круг был вырезан из фанеры. Наряжен покрашенными картонными снежными сугробами и заснеженными елями. И мимо елей «ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед... Волки на кобыле, львы в автомобиле, зайчики в трамвайчике...» Зверей и их средства передвижения папа мастерски изготовил из картона, пенопласта, пластмассы, всевозможных домашних вещей. На автомобиле, трамвае и велосипеде, конечно, горели фары. Перед ними стоял большой ватный Дед Мороз со светофором в руках. И включал сигналы светофора, словно уличный милиционер.

Мне порой казалось, что сами родители рады всему этому действу еще больше, чем я! Сейчас понимаю, почему. В раннем детстве они были лишены таких развлечений. Мама росла в многодетной семье в тесной коммуналке. Папу с братом (дядей Колей) бабушка Дуся растила без отца, которого задавил трамвай в 1933 году. А более сознательное детство папы и мамы пришлось на военные годы! И они в 1960-е годы вместе с моим детством будто переживали и свое, ранее утраченное.

Оснащенная детскими чудесами елка появилась на старой квартире, когда я был еще совсем маленький. Потом все оборудование перекочевало на новую квартиру. И в школьные годы продолжало сопровождать мои Новые годы. Конечно, я уже не так восхищался круглой подъездочной дорогой, привык к ней. Но она навсегда осталась нашим семейным символом.

Также и елочные игрушки. Наверно, мне хотелось новых игрушек. Но ни одну из старых нельзя было не вешать на ветку! Были игрушки, сделанные опять-таки руками папы: хлопушки и барабанчики из разноцветной бумаги, Иванушка на Коньке-Горбунке из картона. Было много стеклянных фабричных игрушек рубежа 1950-х и 1960-х годов: большие и маленькие разноцветные шары, шарики-«прожекторы», колокольчики и шишки, фигурки Дедов Морозов, Снегурочек, Докторов Айболитов, зайчиков, лисичек и сов на прищепках... И почти каждая что-то символизировала. Или папа подарил маме игрушку в честь знакомства, или вместе покупали шарики после свадьбы и после моего рождения. Приметами хрущевского времени стали стеклянные кукурузные початки. Меня более всего завораживали «прожекторы» с круглыми полостями. Всегда вешал их на самые видные места.

Убранство елки всегда выливалось в особый семейный ритуал. Родители вместе со мной вынимали игрушки из ящика, разворачивали. Раскладывали по темам. Увы, строго запрещали мне вешать игрушки как хочется и где хочется. Мол, сначала папа повесит самые большие шары у ствола. Иначе шары побьются. Затем под присмотром родителей мне надлежит прицепить прищепками старые стеклянные фигурки. Только потом могу сам надеть свои любимые прожекторы...

В 1960-е годы большую и хорошую елку можно было купить свободно. Елки ставили далеко не все. Но уже в 1970-е почти каждая семья, с детьми и без детей, не представляла себе Новый год без живой сосенки. Папа отпрашивался с работы пораньше, чтобы успеть обойти побольше торговых точек и «поймать» елку нужных размеров да с ровными и не желтыми ветками. Иногда дежурил у торговой точки в ожидании грузовика с елками. Между прочим, кривых и желтоватых елок тогда продавали множество. Откуда они появлялись? От планового прореживания шикарного «зеленого пояса», который сажали вокруг Воронежа. Это тот самый пояс, который бездарно и беспощадно уничтожали и продолжают уничтожать в постсоветское время. На его месте застраивают район улицы 9 Января и окраины Северного района. Нынешний так называемый Северный лес — не что иное, как уцелевший островок огромного «кольца». Не прореженный вовремя. Сосны в нем маются недоразвитыми, болезненными. Они стоят так близко, что им, наверное, страшна малейшая искра...

Новый год детства — всегда запах мандаринов и апельсинов. По тогдашней традиции их завозили в магазины строго в конце декабря. Их клали во все свертки с новогодними подарками или дарили безо всякой упаковки. Они появлялись в квартире раньше всего. Накануне Нового года. Еще до того, как с первого января меня забрасывали другими подарками.

На работе профсоюзы давали каждому родителю красочные билеты-приглашения на новогодние елки в воронежских театрах и Дворцах культуры. Там во время праздников тети, наряженные в Снегурочек, выдавали бесплатно всем детям подарки — по тем же билетам. Мне всегда брали приглашения и папа на ВЗР, и мама в ВГУ, и дядя Коля на экскаваторном заводе имени Коминтерна. (Для племянников тоже давали.) Иногда у профсоюзов оставались лишние билеты. Или кто-то из детей не мог пойти. Так что под каждый Новый год мне вручали по четыре-пять билетов. Куда уж больше? Я обходил все главные воронежские театры. Вдобавок свои подарки дарили родители, родственники, друзья и знакомые. Получал подарок и в детском саду, и в школе. И в первых числах января начиналось самое крупное в году пиршество.

В каждом подарочном наборе обнаруживал грецкие орехи и все сорта конфет понемногу: шоколадные, карамели, леденцы, ириски. Конечно, все эти сладости можно было купить в магазине в любой день. Но только раз в году папа и мама разрешали съедать столько конфет! Предупреждали: не больше десяти в день. Я старался слушаться. Не всегда соблюдал норму. Тем не менее, конфет хватало на весь январь.

Апельсиновый пир случался только в январе. Уже не могу вспомнить, из чьих подарков я вынимал апельсины и сколько их было. Но явно не так много, как конфет. Если два-три мандарина вполне помещались в кулек с подарками, то апельсинам там было тесно. И вообще они редко водились в нашем быту. Зато бытовали только крупные, сочные, ароматные плоды. Они имели традиционные маленькие наклейки: черные ромбики с желтыми буквами *Maroc*, что означало страну Марокко.

Многим детям было жалко выбрасывать наклейки. Их переклеивали с апельсиновой кожурой на что-нибудь другое. Я помечал ими прочитанные книжки.

Друзья по дому и двору звали посмотреть на их елки. Разукрашенные деревья стояли у всех без исключения. Многие семьи покупали елки поменьше, чтобы не сильно загромождать комнаты. Я всегда интересовался, на чем держится елка. Ведь только мой папа ухитрился подставлять под нее тяжеленную вертящуюся станину. Обычно деревце ставили или на перевернутую табуретку, или в ведро с песком. Для прочности привязывали к мебели.

В гостях мы делились впечатлениями: кто на каких январских представлениях побывал. Я и сейчас в восторге от постановок в театре драмы и в музыкальном. Кстати, именно тогда музыкальный переименовали в театр оперы и балета. Конечно, «прелюдия» в театральном фойе — с зажиганием елочки, когда Снегурочка зовет Деда Мороза и дети кричат: «Елочка, гори!» — всегда и везде была банальной и приевшейся. Ее и сейчас не мешало бы обновить. Неужели взрослые не смогли придумать для детей ничего другого за сто лет? Зато после елочной церемонии оба театра давали бесплатные спектакли по особым сценариям, которые сочинялись каждый год. В одну сказку вплетали всех героев, любимых детворой. И Деда Мороза со Снегурочкой, и русскую классику — Иванушек-дурачков, Лягушек-царевен, Бабок-ежек, Кощеев Бессмертных — и мультяшных персонажей, среди которых особенной популярностью пользовался Винни-Пух. И не было ни одного повтора за все мое детство!

В нашей семье все любили дни рождения. Несмотря на малые размеры квартиры, на папины именины собирались родственники, а на мамины — еще и ее подруги (по школе и по работе на физфаке университета). Пели любимые туристские песни под папины гитарные аккорды. Ведь до моего рождения родители и их родственники были заядлыми туристами. Ходили походами в Кавказские горы, спускались через перевал к Черному морю. Папа поднимался на Эльбрус, но не дошел до вершины, ибо мамин брат Володя, шедший в связке, провалился в трещину с ледяной водой. Мужикам пришлось спуститься с гор к морю, где их ждали женщины. В палаточном городке, поставленном где-то в небольшом ущелье возле длинного мыса Пицунды, я, собственно, зародился за девять месяцев до того, как родиться в Воронеже в центральном роддоме.

Сначала туристские песни записывала в записную книжечку мама. Потом их писал в выдавший виды толстый блокнотик дядя Коля: уже без моих родителей он более тридцати раз ходил на Кавказ. На днях рождениях эти блокнотики доставали, когда забывали слова. Но самые популярные запевы и припевы все знали наизусть.

Туристы почитали бардовские песни, но совершенно не знали, кто их сочинил. Думали, что они народные. Пожалуй, самой популярной была: «Лыжи у печки стоят...», ведь все бывали в Домбае. Только в 1990-е годы страна узнала, что автор — Юрий Визбор! Часто передельывали слова Есенина (да и других авторов) так, чтобы они подходили под мужественную горную тему: «Сильным дается радость, нежным дается печаль...» За нашим столом звучали также «Шхельда белым-бела...», «Кого-то жуют под бананом...», «Как-то по проспекту с Манькой я гулял...»

Мама любила танцевать зажигательные, быстрые модные танцы. Снимала обувь — иначе с нижнего этажа сразу бежали бы недовольные соседи Козловы, которые плохо переносили любые шумы. Стены дома не пропускали звуки, а перекрытия передавали все стуки. Как-то мама Тани Козловой приходила жаловаться: мол, я стучу мячиком о пол. Между прочим, сама Таня не тише «стучала» по клавишам пианино.

Разумеется, родители не могли упустить ни одного случая, чтобы не устроить мне запоминающийся на весь год день рождения. И я обязательно звал 10–15 друзей — больше не вмещалось в одну комнату. Родители считали лучшей тратой денег закупку продуктов для моего праздника. Старались взять все самое вкусное, что только было в магазинах, и приготовить необычные блюда. Украшали салаты фигурками человечков. Для этого где-то в Москве купили оригинальный набор пластмассовых деталек: ручки-ножки, шляпы, очки и прочее надо было втыкать в вареные овощи.

Каждый год на мои именины папа строил в квартире кукольный театр: перегодку со сценой. Родители купили куклы, специально предназначенные для детского театра. В основном со звериными мордами. Надеваешь куклу на руку и держашь за ниточку, чтобы пасть волка или лисы открывалась. Первый раз папа и мама устроили спектакль сами. Придумали сценки, героями которых были, однако, люди. Что поделать, пришлось волчьими куклами изображать мужчин, лисьими — женщин, заячьими — детей. Потом мы сами, дети, выделялись друг перед другом с куклами так, чтобы выходило смешно.

Неизменным гостем на этих праздниках был выдающийся взрослый затейник — дядя Коля. Папин брат показывал детям разнообразные фокусы: втирал монету в руку, растворял спичку в платке, «отгадывал» мысли и даже гипнотизировал. (В старших классах я перенял его увлечение и сам показывал фокусы одноклассникам).

В квартире моего детства дядя начинал с шуточных загадок.

— На дубу росло десять шишек, четыре упало, сколько осталось?

— Вышел капитан корабля на капитанский мостик и видит: то потухнет, то погаснет. Что он увидел?

Спасибо огромное дяде на всю жизнь. Он тут же бросал познавательные вопросы:

— А когда был основан Воронеж?..

Он шокировал моих гостей бутафорскими переодеваниями. То нарядится в восточный наряд факира, то примет женское обличье «тети Груни», надев платье бабушки и клоунскую маску, купленную в Москве на Международном фестивале молодежи и студентов. То скрытно выйдет из квартиры, а потом неожиданно позвонит и ворвется в комнату в кавказско-грузинском виде, нацепив на нос маскарадные очки с огромным красным горбатым носом. Эти прикольные очки дядя несколько раз покупал на Кавказе, продолжая там путешествовать...

Книжные радости

Благодаря родителям я в три года научился читать предложения, а вскоре и книги. И огромную часть своей детской жизни провел в квартире за чтением.

По дороге домой с завода папа часто заходил в какой-либо из книжных магазинов. Смотрел, не появились ли на прилавках новые детские книги. Поэтому у меня дома было почти полное собрание всего, что издавали в стране с середины 1960-х годов. Точнее, всего, что продавали в центре Воронежа. А потом книгами несколько раз награждала школа. За хорошую учебу.

На снимках отец запечатлел меня с такими книжками, где очень мало текста и много больших красивых картинок. Но я их не помню. Из первого чтения остались в памяти, конечно, классики: Корней Чуковский, Самуил Маршак, Сергей Михалков. Тогда выпускали и пластинки (на 78 оборотов) с записями Чуковского. Он сам читал свои стихи. И мне покупали и заводили пластинки. Умел же человек сочинять детские ужастики: то Тараканище грозится мигом проглотить всех-всех зверей, то лисички берут спички и поджигают море! Даже дочка Чуковского Мурочка рисует Бяку-Закаляку Кусачую. Неудивительно: наслушалась стихов своего папы! Зато стихи привлекали всех детей и хорошо запоминались.

Плюс Борис Заходер, точнее, его фантазмагория «Кит и Кот», где фигурирует Чудо-Юдо-Рыба-Кот. Когда я зачитал строки из сего произведения отцу, он был недоволен. Мол, что за чушь пишут для детей? Но, похоже, не без влияния этого опуса я в четырехлетнем возрасте решил сам сочинить первый «стих». Вот он, записанный дядей Колей. Очевидно, дядю поразил мой авангардизм с сюрреализмом:

Столб стоит — бревно на дерево,
Как будто в небо грязь.
Кит и кран.
Лодка — совершенно.
Корабль — нипочем.

Книг про Буратино и Чиполлино у меня почему-то не было. Наверное, потому, что хватало чудесных двухсерийных диафильмов с этими сказками. Я их показывал сам себе почти каждый месяц.

Когда мне было пять лет, Воронежское издательство выпустило хороший сборник лучших сказок Андерсена, Гауфа и братьев Гримм. По-моему, это вообще все лучшие зарубежные сказки: как принцесса спала на горошине, или как поцелуй Снежной королевы заморозил сердце Кая, или как красивый юноша стал ужасным Карликом Носом, съев супа с ароматной приправой...

Русские народные сказки явно уступали по фантазиям. Персонажи и сюжеты казались более однообразными. Но русские мне тоже нравились — из-за накала страстей. Ни в каких других сказках нет такой упорной борьбы добра со злом. Добро борется-борется и никак не переборет, но на третий раз обязательно побеждает всех Змеев Горынычей! Между прочим, книги с русскими сказками были дефицитом на рубеже 1960-х и 1970-х. Их сразу раскупали. По моей просьбе папа искал их в магазинах и не мог найти. Когда я пошел в первый класс, записался в областную детскую библиотеку на Театральной улице и взял книгу с русскими сказками. Однако библиотечные правила мне не понравились. Мол, приходи обязательно через неделю — хоть успеешь прочитать, хоть не успеешь. А читаешь — сразу возвращай. Недельный срок я просрочил (ведь отныне школа отвлекала!) и поэтому побоялся прийти в библиотеку без мамы. И что же? Вместо меня отругали маму. И не поблагодарили нас за любовь к книге. И больше я в библиотеку не пошел.

В школьные годы любил читать и перечитывать такие рассказы и повести, в которых описывались бы приключения не моряков в заморских странах, а русских мальчиков и девочек в наших городах. Конечно, не обошлось без «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского. Дениска попал в весьма жизненные, но слишком короткие приключеньца. Более увлекательными были книги Владимира Крапивина, Юрия Третьякова, Юрия Сотника, Анатолия Алексина... Мне до сих пор непонятно, почему на школьных уроках мы проходили совсем другое. Нас часто и насильно заставляли читать то, что уже давно лежало на почетной полке литературного музея.

Любил природу, ибо наша семья постоянно ездила в лес. Еще до школы папа покупал мне тонкие брошюрки Виталия Бианки и Михаила Пришвина из самой популярной серии «Мои первые книжки». И вообще, в Советском Союзе всегда старались прививать детям любовь к природе. Книг на эту тему было преогромное множество — и наших авторов, и зарубежных. Однако как ни пытался читать наших классиков Бианки и Пришвина, каждый раз бросал и не дочитывал их истории. Неинтересно почему-то. Зато были другие любимые книжки про зверушек: Лилиан Муур «Крошка Енот и тот, кто сидит в пруду», Любовь Воронковой «Волшебный берег» (на берегу коварная Выдра притворилась добрым Ардывом)...

Но не было во все мои детские годы писателя более любимого, чем Николай Носов. В 1969 году вышло полное собрание его сочинений в трех томах. Мама успела купить очень вовремя. Все три тома перечитывал бесконечно. Прочту Носова, потом еще кого-нибудь, затем опять Носова — и так далее.

В младших классах читал «по кругу» не столько маленькие смешные и поучительные рассказы Носова, сколько «Незнайку в Солнечном городе» во втором томе и «Незнайку на Луне», который занял весь третий том. Воистину гениаль-

ная научная фантастика для детей. Вы помните только Незнайку из первой части трилогии («Приключения Незнайки и его друзей»)? Или смотрели только коротенький мультфильм? Тогда настоятельно советую почитать две другие части. Вам непременно понравится. Даже взрослым. Ибо история о бестолковом Незнайке из первой серии — просто примитив по сравнению с продолжением и окончанием. Там Незайка словно повзрослевший. Там он осознанно познает мир.

Солнечный город — прообраз светлого будущего. Туда коротышки попадают из несовершенного, но уже во многом хорошего Цветочного города, где живут по принципам общественной справедливости и называют друг друга братцами. Луна — замечательно подобранное место для проклятого (как думали тогда) прошлого, основанного на законах денег. Оно осталось даже не на поверхности планеты, а в ее недрах.

Только сейчас понимаешь, почему так интересно было читать в семь лет. Оказывается, Носов был большим знатоком во всех областях человеческой жизни и науки. В истории, экономике, философии, химии, физике, астрономии, технике, архитектуре, живописи... И все это переложил на детский язык. Закрутил в тысячи сюжетных наворотов. Получились сказки совершенно новаторские. Приключенческое разнообразие, присущее зарубежью, соединилось с накалом страстей по-русски. Плюс наука.

Невероятно: в сказке «Незнайка в Солнечном городе», впервые опубликованной в 1958 году, предсказаны научные открытия, вошедшие в жизнь только в XXI веке! Там Незайка с удивлением смотрит видео. Зеркало в гостинице вдруг превращается в экран, который «сам» показывает любой фильм. Там система уличного видеонаблюдения управляет автомобилями. Почти 70 лет назад!

Представляете, недавно в рамонском дворце Ольденбургских проходило совещание начальников, и им показали, как в зеркале появляется лик принцессы. Многие не смогли понять, как возможно такое суперновшество.

Вероятно, к XXII столетию сбудутся и другие носовские предсказания. Например, устроим в Воронеже заповедник не только ценной архитектуры, но и безобразной — в назидание потомкам. Чтобы не повторяли. Знаете ли вы прогноз ученых-архитекторов из нашего ВГАСУ — ВГТУ? Гарантийный срок службы небоскребов, построенных на склонах и возле склонов Воронежского водохранилища, — 30 лет. Потом они начнут медленно крениться, сползать в сторону воды. В будущем силуэт города очистится сам собой? Значит, нам надо будет последовать примеру Носова и вовремя позаботиться об укреплении нескольких соседних высоток. Какой же заповедник — без них?!

Говорят, что в постсоветское время начинающие предприниматели учились по «Незнайке на Луне» как по учебнику. Что такое биржа и как выпустить акции, как провести рекламную кампанию?..

Сегодня в интернете читаешь бесконечные препирательства: что такое хорошо и что такое плохо? И иногда думаешь: Незайка разрешил бы неразрешимые споры знатоков. Ведь ему посчастливилось пожить во всех возможных мирах. Он сказал бы:

— Братцы, успокойтесь. Вы попали как бы опять внутрь Луны. И нет у вас такой ракеты, чтобы оттуда улететь. Терпите. Говорите спасибо Скуперфильдам за то, что берут на работу. За то, что еще не все скверы и леса в Воронеже вырубил, какие были на Земле, — ради новых небоскребов. За то, что «пазики» и «газели» пустили вместо трамваев.

Я пожаловался бы Незайке, что небоскребы испортили силуэт города.

— Да не волнуйся ты так, братец, — ответил бы мне поумневший малыш. — Твой Воронеж не так уж и плох, как это многим кажется. И сейчас красивым остался, несмотря ни на что. Как мой Цветочный город. Какая архитектура! И ули-

цы благоустраивают все больше и больше. И цветов еще много. Люди ведь еще не вывелись, какие были в твоём цветочном дворе. Когда ты, Павлик Попов, был таким же коротышкой, как и я. Даже улицы в твоём городе есть, как в моём: Колокольчиковая, Ромашковая, Васильковая... И все же передай жителям своего города: пусть они берегут свою реку Воронеж. Пусть не рубят дубы и яблони. Эх, мы были дураки, спилили все огурцы на нашей Огурцовой реке. И она пересохла. И никакой благотворитель не спасет. И даже Солнечный город не поможет! Там тоже все застроили фабриками, и воды у них нет...

Автомобиль будущего взлетает в комнате

Почтовые ящики в подъезде забиты до отказа. Тоже памятная картинка из моего прошлого. В доме не было семьи, которая не выписывала бы газеты и журналы. Такие любители чтения, как мои родители, получали сразу по пять-шесть газет в день и каждую неделю — какой-нибудь журнал.

Папа всегда выписывал одну или две местные газеты: «Коммуну» с «Молодым коммунар»». Иногда чередовал: один год — более солидную «Коммуну», другой — более живой «Коммунар». Центральные газеты получали больше. Членство в партии подталкивало отца к выписыванию партийной «Правды». Однако на заводе всем начальникам указывали, чтобы оформляли подписку на «Социалистическую индустрию». Она позволялась вместо «Правды». Поэтому приходилось выбирать именно ее, дабы все выписанное помещалось в почтовый ящик. В «Индустрии» читать было нечего. Но она отлично годилась, чтобы пополнять макулатуру для школы. Зато интересной даже для меня, мальчика, были «Известия». Когда пошел в школу, доставал из ящика еще две «Правды»: «Пионерскую», потом «Комсомольскую». Кроме того, родители выписывали мне «Юный натуралист» и немного скучноватый «Пионер». Я всегда просил их выписать «Крокодил»!

Ни мама, ни папа не были литераторами. Но однажды поняли, как замечательна объемная «Литературная газета». И с тех пор никогда не отказывались от нее. «Литературка» отличалась острой, злободневной публицистикой. Читая ее, можно было учиться писать самому. Писать хорошо — с толком и чувством. И нигде не было такого качественного юмора, как в «12 стульях» на последней странице «ЛГ».

(Много лет спустя я буду учиться журналистике не в теории, а сразу на практике — в «Молодом коммунаре». Мне станут говорить, что в очерках нужна динамика, а публицистика немыслима без моих собственных взглядов и чувств. И «ЛГ» останется главным примером: «Паша, посмотри, как пишут в “Литературке”»).

Мое самостоятельное чтение началось, конечно же, с «Веселых картинок» и «Мурзилки». Помню, «Мурзилка» не впечатляла. Она явно проигрывала всевозможным детским книжкам. А «Веселые картинки» любил даже тогда, когда, казалось бы, вышел из картиночного возраста. Журнал, действительно, стоило выписывать даже картинок ради. Там же читал короткие, но увлекательные истории. Увлеченно разгадывал загадки и ребусы. Любопытными были и книжечки-вырезалки с наилучшими стихами.

Когда мне было года четыре или лет пять, «Веселые картинки» обнародовали потрясающую историю. Она случилась в «Клубе веселых человечков». Самоделкин создал необыкновенную машину «Само-ездо-плаво-лето-ныре-ползо-ход». То есть универсальный автомобиль, который сам может абсолютно все! Однако, как мне показалось, журнал слишком слабо развил свою идею. Вот сохранившийся второй номер за 1968 год. Самоделкин полетел к друзьям, но при посадке его «Само-ездо...» задел верхушку дерева и развалился на части. И это — все!!

Идея такой машины сразу запала мне в душу. Я еще не читал фантастику Носова — как автомобили Солнечного города поехали от мыслей водителя или как космический корабль полетел на Луну, словно пушинка, ибо Знайка изобрел «прибор невесомости». Позже я понял, что журнал, скорее всего, заимствовал носовскую «само-ездовскую» идею. Ведь Носов еще в 1950-е годы наделил инженера Клепку из Солнечного города «быстроходным прыгающим, плавающим, летающим и ныряющим автомобилем».

Я стал приставать ко всем родственникам с вопросом: а смогу ли я, когда вырасту, сделать такую машину, которая будет не только плавать, нырять и летать, но и совершать вообще любые действия: колоть, рубить, стрелять, плавить, строить, проводить научные опыты... Ведь у Самоделкина и Клепки так легко получалось?

Даже стал подбирать на улицах винтики и всяческие другие маленькие железки: а вдруг пригодятся при сборке «Само-езда»?

Временами я ночевал в частном домике бабушки Дуси на улице Желябова. Она нередко ломала голову: что же нового рассказать внучку перед сном? И вот я заказал ей сюжет:

— Пусть и у нас с тобой будут свои «Само-езды»!

Что ж, бабе Дусе ничего не оставалось делать, как стать сказительницей-пост-модернисткой поневоле. Она поведала, как Павлик и его друзья построили в Воронеже «Само-ездо» круче Самоделкина. И бабушка тоже смастерила свой «Само-ездо», чтобы догнать по лесам да по болотам умчавшегося драгоценного внука!

Несколько лет спустя я развил эту историю в целый сказочный сериал с десятками выпусков, мною сочиненных и записанных. Например, как баба Дуся пытается настигнуть уже не одного внука, а целую команду детей, моих друзей и подруг. Но бабушкин «Само-ездо» слабоощный, и мы успешно убегаем на моем супер-«Само-езде». Ведь он и в огне не горит, и в воде не тонет. Он способен быстро долететь до Марса, а там разрубить чужую планету на куски, если выяснится, что внутрь засосало членов команды! Внешне «Само-ездо» имел хороший дизайн и напоминал огромный двухэтажный или трехэтажный автобус. Туда вмещалась команда из сотни друзей. Внутри было все: и кухня, и спальня, и сад, и «звериный отсек» наподобие маленького зоопарка. Конечно, и тут не обошлось без влияния Николая Носова. Я изготавливал книжечки из уменьшенных тетрадных листов. Самиздатские «повести» отличались номерами: «Само-ездо № 2»... «Само-ездо № 31»... «Само-ездо № 40» и т. д. Выпускались они тиражом в 1 экземпляр. Эти «книжки» с «иллюстрациями» автора (конечно, в кавычках) храню до сих пор. И теперь не знаю, что с ними делать? Ведь такое и не выбросишь, и не опубликуешь, и в музей не сдашь.

Когда родителей не было дома, я с реальными членами команды устраивал в квартире постановки по этим «повестям»! Из шкафов вытаскивалась всевозможная одежда для костюмирования артистов. «Само-ездо» изготавливался из мебели. Вынем платья и костюмы из гардероба — и туда если не сто, то хотя бы четыре человека помещаются. Приставим к гардеробу стулья — готов механизм для борьбы с любыми наземными, подземными и иноземными врагами. Звуковое сопровождение взлетов и посадок («... — ползохода» обеспечивала металлическая посуда. Лучше не вспоминать, во что превращалась квартира! После ухода друзей мне стоило больших трудов привести ее если не в первоначальный вид, то хотя бы в такой, чтобы родители не слишком ругались. Хорошо, что я вовремя остановил Валеру Полковниченко, когда он захотел устроить ныряние машины в воду и езду под землей.

Слава Шевелюхин и Олег Яхонтов до сих пор вспоминают спектакли под названием «Само-ездо» как самое незабываемое в доме № 24 по улице Фридриха Энгельса.

Да, создатели «Веселых картинок» явно уступили нам по полету фантазии. Или не рискнули совершить слишком большие заимствования у Носова?

В те времена я еще не мог читать мини-роман для взрослых «Машина времени» английского фантаста Герберта Уэллса. Иначе моя машина, может, и со временем поборолась бы...

Но ведь у меня и реальная игрушка появилась — по существу, маленькая машина времени, и без кавычек! Я обожал планетоход, который в начале 1970-х годов мне привезла мама из Москвы. Тогда весь СССР был возбужден запуском на Луну лунохода. Но эта была смешная с виду каракатица на шести колесиках со спицами. А рижский завод «Страуме» пошел дальше ученых-космозрабочников. Он сделал детям планетоход: машину для всех планет сразу, да изящного дизайна, да с двумя космонавтами в кабине, да с мигавшим многими огоньками полусферическим прибором. Самое главное, машинка сама ездила по квартире на четырех маленьких, невидимых колесиках. Если она натыкалась на препятствие, то поворачивала или разворачивалась назад. Заряда батареек хватало, чтобы игрушка без усталости жужжала часа два. Она беспрерывно стучалась о ножки стульев и шкафов и моментально отскакивала от них.

Вот это был фурор и для меня, и для моих друзей! Впрочем, на нее, не отрываясь, глядел и любой взрослый, зашедший к нам домой. Недоволен был лишь кот.

Только в последние годы подобная техника появилась в квартирах в виде автоматических пылесосов. Полвека назад о них не грезили. И лишь в мечтах Носова в 1958 году — то есть в Солнечном городе — Незнайка увидел такую уборочную штуку в гостинице. Вот почему латвийский планетоход стал настоящим прорывом во времени.

Кот спасает дом

Родители подарили мне пушистого черного кота Кузю, когда мне было лет десять.

— Ты хочешь, чтобы у нас был котенок? Ждешь? — переспрашивала мама. И я очень ждал.

Почему-то все сошлись на черном цвете котика. Вопреки приметам.

Вообще в нашей семье не водилось никаких предрассудков. Я и сейчас смеюсь над всеми, кто говорит, что рюмки нельзя наполнять на весу, а треснутую посуду следует убирать из дома. Потому что в детстве не слышал ничего подобного от родителей. Студентам объясняю, что в Древней Руси, у истоков русского христианства, любили число 13. Строили 13-главые храмы...

И вот у нас появился Кузя. Надо сказать, характер у него был своеобразный. Когда я делал уроки за столом, он подкрадывался к моей ноге и внезапно впивался в нее когтями и зубами! Вгрызался так, что тружно было оторвать. Приходилось давать ему по ушам и мазать очередные ранки йодом. Но уже через полчаса Кузя прыгал на руки, ласкался и нежно мурлыкал. И шалости ему прощались.

Мама считает, что именно Кузя спас от пожара целый подъезд нашего дома! Однажды котик стал громко мяукать рано утром. Его покормили, но он не унимался. Мама почувствовала слабый запах гари. Вышла во двор, чьлбы понять, в чем дело. И увидела дымок из соседнего окна. Прямо за стенкой нашей квартиры. Кого-то кликнула. Кто-то сбегал к телефону-автомату и вызвал пожарных. Когда те выбили стекла, дым повалил во двор уже черными клубами. Благодаря хорошим вентиляционно-таракановым каналам вся наша квартира наполнилась и пропахла едким дымом. Как рассказывали жильцы, за стенкой была квартира одинокого заместителя начальника вытрезвителя, и он с сигаретой в руке заснул на диване не вполне трезвым. По существу, его диван стоял в метре от нашего дивана.

Мы, мальчишки, не преминули заглянуть на место происшествия. Нас вроде бы и выпроводили, но... Одновременно двух ребят попросили вынести носилки с трупом! Гордый Юра Панкратов показывал нам обгоревшие кости скелета. Между прочим, небольшую струйку дыма из форточки кухни первыми заметили квартиранты из дома напротив (26-го). Но они решили, что у кого-то пригорело молоко на плите. И не подняли шум. Только Кузя догадался засучить первым!

Наш кот был воистину домашним. Он панически не переносил гостей. Забивался в самый недоступный ящик шкафа или в поддон дивана так, что его иногда удавалось разыскать только сутки спустя. Однако эти качества кошачьего характера я использовал для дрессировки Кузи. Нет, конечно, мне было далеко до достижений Куклачева (кстати, не уверен, что в 1973 году знаменитый клоун уже ставил кошек на передние лапы). Но на свой день рождения я успешно показывал фокус с котом. Сажал Кузю в картонную коробку. Ширмочка, несколько пазов факира — и... кот «навсегда» исчезал из коробки. Кузя стрелой, но очень тихо, совершенно не привлекая внимания, вылетал из наполовину прорезанного отверстия в свой дальний угол. И его уже не могли найти не только гости, но и я сам...

Пока не взорвался «Рекорд»

Телевизор! При этом слове мне сначала вспоминается бледное, перепуганное лицо отца в химическом дыму... Потом черно-белые картинки: Михайлов ударяет клюшкой по шайбе, пан Ведущий закрывает дверь «Кабачка», Кристалинская... ничего не делает, поет на «Голубом огоньке», даже не стоя, а сидя, но поет необыкновенно проникновенно...

Во второй половине 1960-х у нас, как и у большинства семей, был ламповый «Рекорд». Небольшой, но тяжелый деревянный ящичек. Маленький экран кинескопа, который завешивали плотной материей из-за излучения. Родители следили, чтобы я не подходил ко включенному телевизору ближе, чем на два метра. В киосках «Союзпечати» стали продавать пластиковые накладки на экраны — прозрачные, но с цветными разводами. И папа купил такую. Ставишь ее на экран — и поначалу кажется, что изображение не черно-белое, а слабое цветное. И не важно, что лица людей то краснеют, то зеленеют, то желтеют. Можно было представить, будто фильм снят на некачественную или плохо проявленную цветную пленку. Конечно, все понимали, что это только прикол. Часок посмотришь фильм через накладку — и снимаешь ее, чтобы экран опять стал нормальным черно-белым. Нет, я неправ, голубым.

И вдруг в один прекрасный момент изображение в «Рекорде» напрочь пропало. Остался только звук, который мы слушали несколько дней как радио. Наступила суббота. Папа решил, что сможет справиться с телевизором, как с холодильником. Зря, что ли, многие детали «Рекорда» были сделаны на родном папином ВэзЭэРе? Снял ящик, полез внутрь с отверткой. Полчаса мучился. Потом раздался кошмарный хлопок! Папа перемкнул отверткой не то, что надо, и взорвался большой конденсатор.

Облако едкого дыма наполнило комнату. Взрыв разорвал во множество ключев, словно в ошметки стекловаты, какую-то конденсаторную бумагу (пусть знатоки скажут, что это такое). Ключья-хлопья плотно облепили и книжные полки, и покрывала стульев, и люстру, и папины волосы. Спасибо, что отец всегда носил очки! Оправившись от шока, он больше всего радовался, что я в злосчастный момент находился метрах в трех от телевизора. Казнил себя, что стал чинить телевизор при мне...

И с тех пор у нас не было телевизора совсем. В течение нескольких лет. Родите-

ли жалели денег и считали, что телевизор не такая обязательная вещь, как, скажем, письменный стол для сына или кукольный театр для его дня рождения.

Что же я успел посмотреть до взрыва?

Хоккейные матчи сборной СССР из серии самых лучших. Как раз в те времена родилась звездная тройка Борис Михайлов — Владимир Петров — Валерий Харламов. Во время хоккейных чемпионатов мира и олимпиад к телевизору прилипали и стар, и млад, и, конечно, все мальчики нашего двора. Следили за движением шайбы, не отрываясь, так как наша сборная всегда вырывала победу в тяжелых играх.

Едва ли не самые яркие впечатления остались от юморного «Кабачка “13 стульев”». Тоже звездный час этой передачи. Тоже смотрели все поголовно. Пан Директор, пан Вотруба, пан Гималайский или пан Спортсмен были не менее популярны, чем герои «Голубого огонька» Муслим Магомаев или Юрий Гуляев. Я с мамой больше всего ожидал коронного номера «Кабачка»: экспрессивная пани Моника опоздала на вечер, но успела подсесть к меланхоличному пану Профессору. Наверное, эти персонажи выделялись особенной жизненностью на фоне прочих героев, из уст которых лилось много сатиры. Высмеивались будни некоего треста. Конечно, мальчику они менее интересны. Но дело не только в моем возрасте. Очень жаль, что сейчас уцелели в записи лишь девять-десять (!) выпусков «13 стульев» из 133. Первые передачи тогда шли в прямом эфире. Многие более поздние были бездумно стерты. Когда я смотрю в интернете сохранившиеся выпуски, мне всегда кажется, что это далеко не самое занятное и смешное из виденного в детстве. Это словно ремиксы на первые — более непосредственные и искренние (и, может, более смелые) диалоги. Юбилейные и праздничные «Кабачки» — все не то! «Настоящие» репризы остались лишь в прямом эфире.

А знаете ли вы, что сейчас не найти записи главного номера Михаила Державина — пана Ведущего? Нет в его исполнении песни «Закрит кабачок, но мы верим, друзья...» Есть только запись Андрея Миронова, который однажды случайно попал не на свою роль. В моем представлении, Андрей всегда переигрывал, выглядел неестественным.

В 1960-е годы огромной редкостью были многосерийные телефильмы. Очевидно поэтому обрел популярность на безрыбье польский фильм «Четыре танкиста и собака». Его не однажды повторяли. Как-то он шел вместе с хоккейными играми. Во дворе ребята одновременно обсуждали: как шайба летела в ворота сборной Чехословакии и что сказал танкист. Однако мне с моими грезами о Солнечном городе и «Само-ездах» легкий военный сериал казался скучным. Куда-то беспрерывно и очень долго движется танк... Периодически на экране появляются собака и ее морда крупным планом... Слава Богу, все живы. Конец очередной серии.

Советский супер-сериал «Семнадцать мгновений весны» пришелся на тот 1973 год, когда у нас не было телевизора. Я смотрел серии в садовом домике дяди Володи. Там стоял телевизор-доходяга с «дергающимся» экраном. Невозможно было оторваться от сюжета. Поскольку изображение пропадало, старался не пропустить ни одного звука. Как он там, красавец Тихонов-Штирлиц, не попался ли в логово врага? И только через несколько лет с восторгом разглядывал все кадры в квартире дяди Коли. На хорошем большом телевизоре «Горизонт». Сейчас понимаю, что в «Семнадцати мгновениях...» настоящим шедевром были съемки. Крупные планы лиц и глаз Штирлица и Кэт, тени и блики, блески в глазах!.. После этого я воспринял как бездарную пародию на фильм его новую цветную версию. Раскрашено довольно примитивно, ненатурально.

Не хуже «Семнадцати мгновений...» выглядели первые серии фильма «Следствие ведут знатоки». С незабываемым песенным сопровождением «Наша служ-

ба и опасна, и трудна...» «Знатоков» смотрел в квартире дедушки: тот не пожалел отдать пенсию за новый «Рекорд» (с передней панелью из белого пластика). Да, у знатоков не было умопомрачительных мордобоев. И кровь не лилась реками, как в современных детективах. Но они превосходно учили честности и борьбе за справедливость. Как в русских сказках. И ведь вправду многие милиционеры были именно такими. Благородно-мудрыми, как мастер допросов Пал Палыч, и ловкими, как Шурик — майор Томин. И все мы точно знали, что бандиты — это, действительно, лишь «кто-то кое-где у нас порой». Вот зарвавшаяся бабуля неожиданно наставляет браунинг на оторопевшего Джигарханяна, точнее, на его героя! Конечно, это воспринималось не только как криминал. Как шутка. Мы точно знали: на всей нашей улице Фридриха Энгельса браунингов нет ни у бабулей, ни у дедулей.

Еще постоянной темой «голубого экрана» была тема космическая. Космонавтов запускали внезапно! Все привычные телепередачи прерывались. Помню, что родители даже пугались. Ведь экстренные сообщения предварялись фирменными позывными на мелодию из песни «Широка страна моя родная». Такие позывные звучали по радио, когда грянула Великая Отечественная война! И вот опять показывают вид Кремля, и опять важнейшие позывные, а отец с надеждой говорит мне:

— Наверно, не война... Наверно, космонавт полетел.

И в следующий раз я сам с замиранием сердца жду, что скажут после слов «Говорит и показывает Москва!» Верю, что о космическом корабле, не о войне.

Космическая тема звучала в песнях. Как значимый концерт — так «Я — Земля, я своих провожаю питомцев!..» Отличная песня. Исполняли то Людмила Зыкина, то Ольга Воронец.

В 1968 году, когда гостевал у бабы Дуси, стали транслировать похороны Юрия Гагарина. У бабушки — такой же «Рекорд», как у нас, — маленький. Видно плохо. Но бабушка сидит у экрана в горе. Казалось, что Красную площадь, заполненную народом и траурной музыкой, демонстрируют без конца и без края. И до сказок о «Само-езде» дело уже не дойдет...

Несколько раз глядели с бабушкой Дусей и ее сыном, дядей Колей, КэВЭэны — игры «Клуба веселых и находчивых». Опять-таки в прямой трансляции. Там сражались воистину веселые и находчивые! Находили слова без репетиций. Мы обнаружили, что на центральный экран пробилась команда КВН из нашего ВИСИ (инженерно-строительного института). Дядя очень болел за нее, вернее, за город Воронеж.

Поразительно: ведущий Александр Масляков как был героем «голубого экрана» более 50 лет назад, так и остается им поныне. Будто и я не вырос из мальчика-дошкольника Павлика. И не покинул одноэтажный домик бабы Дуси и дяди Коли. Фантастическое наяву. Впрочем, совсем недавно был жив еще один герой, который в свое время жил на экране вместе с пани Моникой и Юрием Гагариным. Имею в виду Иосифа Кобзона.

Из сугубо детского запомнились, разумеется, «Сказки Кота Мурлыки» Воронежского телевидения. Писал письма Коту, как и тысячи других детей. Да-да, Мурлыка демонстрировал с экрана целые пачки писем. И даже произнес имя первоклассника Павлика Попова, поскольку сей мальчик отгадал какую-то загадку... Взрослым я не один раз разглядывал вблизи артиста ТЮЗа Анатолия Абдулаева. Не мог поверить, что именно он и был в предыдущей жизни Котом Мурлыкой. Взрослый актер совершенно не походил на загримированного котика. К слову сказать, я видел его в ТЮЗе еще и тогда, когда он был 30-летним дядей. Он играл пионера, надев красный галстук!

Воронеж сильнее Америки

Когда не было телевизора, дружили с радио. Старый, выпуска 1950-х годов, папин ламповый приемник включался в электрическую розетку. Он хорошо принимал радиостанцию «Маяк». Нажимаешь большие белые клавиши. Крутишь сильно выпуклые черные ручки настройки. Как нельзя вовремя начинаешь звучать утренняя развлекательная передача — юмористическая и музыкальная. Папа спешит на завод, я — в школу (а мама часто не спешит в университет и еще спит). Отец быстренько готовит завтрак. Завтракаем. И как раз пятнадцать-двадцать минут слушаем несколько юморесок, анекдотов и веселых песенок. «Оранжевое небо...», «Жил да был за углом черный кот» — очень кстати: не забываем дать вареную рыбку нашему Кузе. И с хорошим настроением выбегаем из дома.

Радиосеть (первая программа радио) только по воскресеньям, рано поутру, давала подобную передачу, которая так и называлась: «С добрым утром!». Радио было совершенно незаменимо. По нему выверяли часы. Ждали очередных пикающих сигналов точного времени и не веселого, а серьезного голоса диктора или дикторши: «Московское время — десять часов». Голос становился еще более официальным, когда диктор продолжал: «Передаем последние известия». Да, не услышать было таких «развлекательных» для мальчишек сообщений, как сейчас: где что взорвалось или сгорело, или где какая машина врезалась в столб... Зато для взрослых в сжатой форме, словно скороговоркой, говорили самое важное и, как правило, тоже доброе. Как быстро строится плотина на большой реке. Как много тонн топлива добывают горняки. «Воронежские новости» тоже старались нас порадовать. Иногда передавали, на сколько процентов выполнили план работники папиного завода ВЗР. Еще больше воронежцы ожидали свежих новостей от биолога, доцента ВГУ Леонида Семаго: какие цветы распустились в лесу, какие птицы запели и каких грибов больше — сыроежек или белых!

В 1966 году папа привез из Франции (из единственной в его жизни заграничной командировки) небольшой портативный приемник на батарейках. Мощность динамиков — небольшая, звук слабоват. А зачем громкость? Вечером удобно сесть вместе с папой совсем близко к приемнику. Чтобы не мешать маме готовиться к занятиям со студентами. Французский приемничек замечательно, не надрывая голос, ловил заграничные голоса на коротких волнах! И лучше всего «Голос Америки».

Папа был настоящим коммунистом. Из Франции вернулся совершенно убежденным, что жить в капиталистической стране гораздо хуже. Мол, там нет человеческой общности, каждый выживает сам, брошен на произвол судьбы. Однако послушать «вражьи» новости — очень интересно! И сыну объяснить, где правда, а где — неправда.

Порой «Голос Америки» тонул в помехах. Но при правильной настройке иностранный диктор говорил полчаса без умолку. И никаких официальных запретов на такое слушание не было.

Иногда мы ловили в новостях США о СССР такое, чего по нашенскому радио или в телепрограмме «Время» никогда не говорили. И не могли говорить. Как-то вечером под Новый год «Голос» заголосил:

— Сегодня на центральной площади города Воронежа упала наряженная новогодняя елка!

Мы чуть со стульев не упали (а может, с дивана). Сообщение прозвучало за считанное время до боя кремлевских курантов. Не могу точно вспомнить год из начала семидесятых. На следующий день я пошел на площадь Ленина — проверить. Неужели осколки больших шаров и крупные картонажные игрушки разбросало по площади? Гляжу: елка стоит, игрушки переливаются как ни в чем ни бывало. Обманула Америка, что ли?

Отгадку я получил более чем тридцать лет спустя. Бывший секретарь горисполкома Евгения Щукина поведала мне о действиях ее соратника — председателя горисполкома Виктора Поспеева. (Слово «мэр» тогда не употребляли.) В первые же минуты после елочной аварии Поспеев поднял на ноги (уже из-за праздничных столов) весь исполком. Нагнали на площадь городской техники, привлекли солдат в качестве рабочей силы. За один-два часа собрали елку, которую до этого устанавливали неделю или две. Знай наших! Назло вражьи голосам!

Ничего на свете лучше нету!

Ни папа, ни мама не хотели тратить на магнитофон. В шестидесятых он был редкостью. Однако электрические проигрыватели для пластинок имели почти все без исключения. И мы тоже.

Правда, родители не стали покупать хороший проигрыватель, когда появилось стерео. Но нам много лет верой и правдой служил электрофон «Молодежный». Его выпустили на ленинградском заводе «Спутник» в 1967 году. Юбилейный электрофон не хандрил, как телевизоры. А ведь там внутри, казалось бы, есть чему ломаться. Две лампы. «Вертушку» вращал электродвигатель с роликами и пассиками. Как раз в это время страна ушла от старых пластинок, рассчитанных на 78 оборотов в минуту. Поэтому в проигрывателях переключались скорости: 78, 45, 33 оборота. Большим удобством «Молодежного» была его портативность. Хочешь — поставь на стол, хочешь — на пол в любом месте... Теперь он стоит в сарае в память о детстве.

Когда я был маленький, полюбил пластинку с песней Майи Кристалинской: «Ах, добрый аист! Мы наконец тебя дождались...» Пластинку на 78 оборотов выпустили, наверно, еще до моего рождения. Меня просили на бис пропеть «Аиста». Для соседей. Слишком мал был для того, чтобы мне объяснили: мол, песня посвящена матерям. Я пел про аиста как про романтическую птицу, ведь она прилетала совсем рано — когда «сады не распускались в ответ на первое тепло...»

А что там еще было любить на старых пластинках? Кроме ужасиков Чуковского? Там были арии из опер, вальсы в исполнении духовых оркестров... Все это в середине шестидесятых безнадежно уходило в прошлое. На 33 оборота принялись массово записывать эстраду.

Многие семьи купили один из первых дисков-гигантов-33 «Эдита Пьеха и ансамбль “Дружба”». Интерес подогревало нерусское происхождение певицы. Поют и играют так, как принято за рубежом? Да нет, и у нас так начали петь! Мама без конца заводила одну и ту же грустную задушевную песню — «Город детства». Записывала и разучивала слова. И просила меня:

— Павлик, заведи снова! Никак не могу разобрать: «сосны до неба», а дальше что? «Да солнца два?» Или «да солнце, да-да?..»

Пьеха пела неразборчиво. Моно-звук не оставлял никаких надежд. Только много лет спустя я пояснил маме: «...До солнца дома».

Слова Роберта Рождественского. Ребенку такое невозможно было представить, хотя он и увлекался Солнечным городом. Можно только теперь — взрослому.

Пластинки продавали в универсамах и книжных магазинах. Я сам стал покупать их в середине 1970-х годов, в шестом-седьмом классах. Постоянно следил за новинками в нашем замечательном ЦУМе на проспекте Революции. Самым большим счастьем стало поймать пластинки моего нового кумира Владимира Высоцкого. Тогда на какое-то время было разрешено запускать его творчество в массы. На нескольких небольших дисках издали песни Высоцкого под оркестр. «Корабли», «Утренняя гимнастика», «Холода, холода», «Он не вернулся из боя», «Мы вращаем землю»... И даже каверзные сочинения — «Кони привередливые», «Москва — Одесса». Их растиражировали сначала на простом черном диске, а затем —

на подарочном: прозрачном малиновом. Впрочем, тогда никто не воспринимал их как некий вызов рутинному обществу. Было необычно и эффектно. Голос граничил с паникерством только в «Конях». В других балладах — внушал оптимизм.

Разумеется, семью не обошла и самая первая пластинка Высоцкого. Песни из фильма «Вертикаль» — разве могли обойтись без них мои родственники, заядлые туристы? Как раз на новом проигрывателе крутили ее в папин и мамин дни рождения. Пытались петь хором «Лучше гор могут быть только горы» — не тут-то было. Высоцкому мог правильно исполнить только Высоцкий. Собственно, его долго знали именно по этому фильму. Через несколько лет мы с папой поехали на Черное море и с удивлением обнаружили другого Высоцкого. Там нам завели на магнитофоне «Страшно, аж жуть!» и прочее «хулиганское», имеющее двойной смысл.

Последнее купленное мною при жизни Высоцкого — две его песни на «Кругозоре». Из фильма «Бегство мистера Мак-Кинли». Седьмой класс, учитель куда-то вышел во время урока, и я обсуждаю новую пластинку с друзьями Игорем Слепой и Сашей Гурьевым. «Вот твой билет, вот твой вагон...» Бегом в будущее — безо всякой машины времени, надо только газу надышаться и уснуть? Приколотно. И еще более прикольна песня, которая высмеивает такую небывальщину. Но что-то не так в песне...

— Да, Высоцкий уже плох, постарел. Поет паршиво. С трудом. Голос стал слабее, — соглашаются со мной одноклассники!

Высоцкому было 38 лет. Но мы вовремя заметили по голосу, что с бардом творится что-то неладное...

В середине семидесятых его песни вполне можно было купить. Диски исчезали с прилавка быстро, но затем их завозили вновь и вновь. До тех пор, пока их не запретили в последние годы жизни Высоцкого.

Впоследствии «застойные времена» с их дефицитом постепенно стали сказываться и на музыкальных товарах. В 1976 году маме еще удалось приобрести модный диск. Она шла по проспекту мимо ЦУМа и увидела, что люди почему-то налетели на выносной прилавок с пластинками. И успела выхватить для меня сверхноваторский диск Тухманова «По волне моей памяти». Но когда весной 1978 года в Союзе впервые издали диск диско-группы «Boney M.», в воронежских магазинах его, по-моему, вообще не продавали. Его приобретали по блату или из-под полы.

В начале восьмидесятых, когда я буду студентом, в СССР станут популярными альбомы групп Rainbow, Secret Service, Scorpions и прочие... А их пластинок поначалу у нас не выпускали. Я буду переписывать у друзей магнитофонные записи. Между прочим, тогда молодежь воспринимала песни двух-трехлетней давности как устаревшие. Было зазорным заводить их для слушанья. Не то, что ныне — без конца слышишь неимоверно древнее старье...

Говорили, что фарцовщики торговали модными пластинками где-то в лесу вблизи Юго-Западного района. В стране не стало хватать мощностей грампластиночных заводов? Или главная причина в идеологических ограничениях? Но ведь запреты вызывали обратный результат. Молодежь считала, что за рубежом музыка более продвинута — а значит, и все остальное там якобы лучше.

Первым прорывом в такой музыкальной «полублокаде» стало, наверное, магнитофонное распространение песен «Boney M.» В 1976 году в школе, в седьмом классе, наша классная руководительница разрешила нам устроить дискотеку по случаю 8 Марта. Сдвинули столы в сторону. Освободили для танцев наш кабинет биологии. И немного потряслись под «Boney M.». Подшучивали над своими девочками. Еще до того, как группа — уже всем известная — прибыла с концертом в СССР через пару лет.

А потом смотрел по телевизору этот концерт. Смешно: его показали лишь один раз поздно вечером. Попросили прокомментировать концерт Людмилу Гурченко.

Я запомнил ее слова: мол, интересный праздник африканской деревни... И это в то время, когда под магнитофонные записи «Boney M.» уже стали танцевать без всяких запретов и повсюду. На школьных и институтских вечерах, на городских дискотеках и на семейных торжествах в квартирах...

В мои лучшие детские годы выпускали множество пластинок со сказками. Однако пластинка «Бременские музыканты» — аудио-вариант мультфильма — быстро перекрыла интерес детей ко всем другим записям! Приду в гости к Олегу Яхонтову — а он мне опять зачем-то ставит «Бременских» на радиоле. Да я и сам давно знаю наизусть не только песни, но и все слова от автора!

Пластинка вышла почти одновременно с мультфильмом в 1969 году. Ее переиздавали громадными тиражами, чтобы она не стала дефицитом. Вслед за детьми культовый мультик перепевали и пересказывали взрослые. Поэтому позволяю себе судить об отношении к этому мультфильму если не в стране, то в Воронеже.

Однажды отец раскрыл за ужином «Крокодил» и говорит нам с мамой:

— Тут такое пишут про «Бременских музыкантов»! На экране страшные банды. Их избородила подозрительная банда авторов!..

В это было трудно поверить. Письмо читателя о мультфильме напечатали не в юмористическом разделе, а само по себе. Оно выглядело как критика. Однако письмо было крошечным. Без комментариев редакции. И в следующем номере журнал не сообщил о «принятых мерах».

Любой, кто замечал эту публикацию, воспринимал ее как неудачную шутку. Поэтому я удивляюсь некоторым публикациям рубежа XX и XXI веков — в дань постсоветской моде. Будто авторы фильма рисковали, рисуя западные брюки-клевш Трубадура и короткое платье принцессы и сочиняя песни с элементами рок-н-рола, да еще какие: «Пиф-паф, и вы покойники!» (из песни разбойников). Нет, хотя мода пришла к нам с Запада, но и люди, и одежды, и песни были взяты словно из воронежской жизни. Да я стал видеть и слышать их каждый день — на танцах в «Карлуше»! И такие мультфильмы просто не могли не появиться тогда, когда пришел их час.

Спасибо, что создатели «Бременских» шли в ногу со временем. Не опоздали ни на год, ни на полгода. Как позже случилось с «Boney M.» Хорошо, что они улучшили сюжет братьев Гримм. Добавили к зверям людей — модных юношу и девушку. Да, изображения зверино-человеческой команды удачны, но не шедевральны. Мультик стал сверхпопулярным прежде всего благодаря изумительным песням. Уникальны и музыка Гладкова, и слова Энтина, и многоголосое пение Анофриева. И еще показан сильнейший образ Свободы. Но когда все воронежцы пели: «Нам дворцов заманчивые своды / Не заменят никогда свободы», уверен, никто не считал, будто это «глоток свободы» в нашем Цветочном городе. Думаю, что авторы выразили всеобщую жажду свободы, начиная с далеких времен немецких сказочников. Когда «на белом свете жили глупые короли, прекрасные принцессы, страшные лесные разбойники».

А у нас, воронежских детей, свободы всегда хватало! Все дворы, дома и театры были открыты для нас. Хочешь — иди смотреть на Винни-Пуха, хочешь — каштаны сбивай, хочешь — даже «дымовушки» в подъезды бросай, только в разумных пределах!

Увы, наши отцы, привязанные к заводским конвейерам или институтским лабораториям, не жили так свободно. Вечером они успевали только помыться и поужинать. И скорее спать, чтобы опять встать по будильнику. Тут и телевизор не очень нужен. Хватит анекдота с веселой песенкой по утреннему радио. Важно узнать «от Семаги», есть ли в лесу грибы, ибо главным событием недели должна стать воскресная поездка в лес. А слушать диски с песнями о былых «домах до солнца» — нет времени.

Вот этим и отличалось наше доброе свободное детство от их доброго несвободного взрослого состояния.